

ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
РЕГИОНОВЕДЕНИЯ И
ИСТОРИИ

Сборник статей молодых ученых

Воронеж
2009

УДК 323.1 / 327.3
ББК 63.3
П 78

Рецензент
проф., д.и.н. А.А. Лютых

П 78 Проблемы международных отношений, регионоведения и истории. Сборник статей молодых ученых. – Воронеж, 2009. – 128 с.

В центре внимания статей молодых ученых, студентов, аспирантов и преподавателей факультета международных отношений – проблемы истории международных отношений и внешней политики США и Советского Союза, европейской интеграции, международного правозащитного движения, проблемы роли Китая в развитии международных отношений и китайских сообществ в Юго-Восточной Азии. Особое внимание уделено проблемам политических процессов в «несостоявшихся государствах» и региональной истории.

Ответственность за использование информации, защищенной авторскими правами, достоверность и аутентичность цитат несут авторы статей. Статьи отражают позиции авторов. Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 323.1 / 327.3
ББК 63.3
П 78

© Авторы, 2009

Содержание

<i>А.А. Шаповалов</i> , Идеология и внешнеполитическая практика Республиканской и Демократической Партий в США во второй половине XX века: к проблеме сходств и различий	4
<i>А.А. Погорельский</i> , «Международная Амнистия»: история становления и деятельности	8
<i>И.В. Форет</i> , Франция и Германия: испытание 1989 годом	21
<i>Ю.В. Салымов</i> , Вклад немецких ученых в развитие просвещения на Воронежской земле в XVIII веке	25
<i>М.В. Кирчанов</i> , Поморы, книга, традиция: проблемы региональной идентичности в текстах Б. Шергина	31
<i>Ю.А. Горлова</i> , Проблемы интеграции и адаптации китайского общества в Индонезии	40
<i>А.В. Даркина</i> , Интеграционные дебаты в США в 1960 – 1970-е гг.	52
<i>Ю.А. Горлова</i> , Проблемы Китая в американской прессе	61
<i>А.А. Шаповалов</i> , Европейская политика Администрации Р. Рейгана (1981 – 1989 гг.)	67
<i>М.В. Кирчанов</i> , Нации vs классы: интеллектуальное пространство как сфера доминирования национализма в Средней Азии (1950-70-е гг.)	74
<i>Р. Яковлев</i> , Советский Союз и «план Маршалла»	89
<i>А.А. Баутин</i> , «Локковский» подход к проблеме неудавшихся государств	95
<i>Ю.В. Салымов</i> , Иностраннный фактор в развитии Воронежского региона в начале XVIII века	113
<i>А. Борщева</i> , Россия в государственных концепциях Украины	118
<i>А.А. Шаповалов</i> , Международная реакция на первые результаты внешнеполитического курса администрации Б. Обамы	124

А.А. Шаповалов

ИДЕОЛОГИЯ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА
РЕСПУБЛИКАНСКОЙ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИЙ В США
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ
СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ

Американская политическая система характеризуется двухпартийностью: из года в год борьбу за высшие государственные посты ведут исключительно представители Республиканской и Демократической партий. Остальные общественные движения и направления не обладают достаточным весом и влиянием для создания сколько-нибудь существенного противовеса двум основным партиям, которые, в свою очередь, сотрудничают друг с другом и совместно поддерживают монопольный контроль над политическими процедурами и процессом выборов в целях создания препятствий росту и укреплению третьих партий. Во второй половине XX века основные сходства и различия между внешнеполитическими активностями республиканцев и демократов проявились со всей отчетливостью.

Базисы идеологий обеих партий составляют аналогичные категории: вера в исключительность и особую миссию, которую несет миру американский народ; теория предопределения судьбы, согласно которой у США нет альтернатив, кроме как быть гегемоном на планете; доктрина Монро, определившая раз и навсегда сферу интересов Вашингтона, вмешательство в которую со стороны других государств могло быть расценено США как угроза. Главное совпадение позиций двух партий наблюдается также в трактовке фундаментальных внешнеэкономических вопросов, причем сходство настолько явное, что даже заслоняет различия между ними. «Обе партии постоянно выступают за сохранение частной корпоративной экономики, выделение огромного бюджета на военные цели, использование государственных субсидий и налоговых льгот для увеличения прибылей бизнеса,

увеличение могущества корпораций путем заключения глобальных соглашений о «свободной торговле» и защиту империи многонациональных корпораций путем интервенций против несогласных с такой политикой стран и повстанческих движений»¹. Иллюстрацией этому утверждению может служить тот факт, что в 60-е гг. XX века демократическими администрациями Дж. Кеннеди и Л. Джонсона ассигнования на военные нужды были увеличены с 53,5 до 90,4 млрд. дол., а в 1980-е гг. республиканская администрация Р. Рейгана добилась резкого скачка оборонных расходов до 23,9% от суммы всех федеральных расходов². Более существенного прироста, чем в указанные периоды, военно-промышленный комплекс США не знал до начала XXI века. Кроме того, неудобные Соединенным Штатам правительства с легкостью свергались, в том числе и при помощи открытой военной угрозы, как республиканцем Д. Эйзенхауэром (например, в Иране в 1953 г., Гватемале в 1954 г.), так и демократом Л. Джонсоном (в Бразилии в 1964 г.)³. Как это ни странно, но во многих вопросах действующие президенты-представители одной из двух главных политических партий США оказывались продолжателями традиций и начинаний своих предшественников, представлявших другую партию. Так, например, правительство Клинтона всерьез рассматривало возможность реанимации легендарного проекта Р. Рейгана по размещению ракетной системы в открытом космосе. В свою очередь сам Рейган неоднократно цитировал, соглашаясь со сказанным, демократа В. Вильсона, находившегося у власти еще в начале XX века.

Не менее существенны также и различия в подходах республиканцев и демократов к рассмотрению различных международных проблем. Корни расхождений таятся в элек-

¹ Паренти М. Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США / М. Перенти. – М., 2006. – С. 246.

² Зинн Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней / Г. Зинн. - М., 2006. – С. 673.

³ Видал Г. Почему нас ненавидят? Вечная война ради вечного мира / Г. Видал. – М., 2003. – С. 133.

торальных потенциалах обеих партий. Так республиканцы на выборах пользуются широкой поддержкой консервативного белого англо-протестантского населения США (WASP – White Anglo-Saxon Protestant), поэтому внешняя политика представителей этой партии отличается ярко выраженным национальным характером. Само слово «национализм» активно использовалось в лексиконе Р. Никсона, Р. Рейгана¹. Демократы, напротив, большую часть голосов получают от либерального цветного и секулярного населения США, поэтому поддержка иммиграционных процессов, оказание поддержки антирасистским движениям, а также борьба за права и свободы человека отличают политику этой партии. Поэтому республиканцы менее гибки и более традиционны, чем демократы.

Республиканцы являются приверженцами «изоляционизма», однако понимают они его как нежелание сковывать себя излишними обязательствами, а не как отстраненность от участия в мировых процессах. В их понимании «изоляционизм» тождественен односторонности действий². Демократы, напротив, не брезгуют многосторонними акциями, мультilaterализм приветствуется идеологией этой партии. Однако, не оспаривая необходимости совместных действий с союзниками, демократы, тем не менее, утверждают, что все мало-мальски важные решения по осуществлению совместных шагов должны приниматься только в Вашингтоне. Исходя из этого, можно заключить, что, в идеологии демократов, принимая участие в создании новых альянсов или подписывая международные соглашения, Соединенные Штаты идут не столько на ограничение своих прав, сколько на то, чтобы освободить руки от излишне дорогих обязательств по поддержанию безопасности в мире.

Для республиканской идеологии свойственно проявление имперского мышления. Для них продвижение демокра-

¹ Согрин В.В. Идеология в американской истории от отцов-основателей до конца XX века / В.В. Согрин. – М., 1995. – С. 223.

² Саймс Дм. Имперская дилемма Америки / Дм. Саймс // Россия в глобальной политике. – 2004. – № 1. – С. 38.

тических идеалов осуществляется на планете не ради процветания других народов, а для обеспечения выживания собственной страны. Империя для них представляется глобальным мировым порядком, сконцентрированным вокруг всеильного центра в лице США. В качестве проявлений империи выступают глобальное военное присутствие, доминирование языка, культуры, насаждение идеалов и ценностей американского образа жизни. Практика показывает, что военные операции в третьих странах республиканскими администрациями применяются с куда большим рвением, чем демократическими. Демократы в этом вопросе являются приверженцами «просвещенной гегемонии»¹. Не сомневаясь в превосходстве Соединенных Штатов над остальными народами, распространение демократии по планете они видят необходимым для выживания всего мирового сообщества. Концентрацию властных полномочий вокруг Вашингтона они видят не строго централизованную, а готовы даже на разделение властных функций с союзниками и закрепление утверждаемого статус-кво в международно-правовых документах при условии непререкаемого авторитета США в международных делах. Средства выражения «просвещенной гегемонии» демократы видят в принципах и нормах международного права, не отказываясь при этом от их одностороннего нарушения и фальсификации.

Различаются позиции представителей двух партий и в вопросах определения основного союзника США в мире. Демократы заявляют о ключевой роли Европы и трансатлантических отношений для становления и сохранения американского превосходства на планете. Для послевоенного укрепления европейских стран немало было сделано Г. Трумэном (НАТО, «План Маршалла»), а уже в конце XX века Клинтон приветствовал Маастрихтский и Амстердамский договоры, формировавшие европейскую идентичность. В то же время республиканцы не столь ориентированы на Европу. Они интересуются различными частями света, не делая ярко выра-

¹ Walt S. Taming American Power / S. Walt // Foreign Affairs. – 2005. – No 5. – P. 109.

женный акцент на каком-либо регионе. В этом ключе была выдержана концепция пятиполюсного мира Г. Киссинджера.

Исходя из вышеизложенного, следует заметить, что основная концепция установления и сохранения глобального доминирования Вашингтона не ставится под сомнение ни одной из двух главных партий США. Расхождения существуют в средствах достижения этой цели, сама же цель остается неизменной практически на протяжении всего времени существования американского государства.

А.В. Погорельский

«МЕЖДУНАРОДНАЯ АМНИСТИЯ»:
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Неправительственная правозащитная организация «Международная амнистия» была основана в 1961 году в Лондоне юристом Питером Бененсоном. В 1950-е годы Бененсон принимал участие в политических процессах на Кипре, в Испании, Южной Африке и Венгрии. В ноябре 1960 г., потрясенный газетным сообщением о двух португальских студентах, которые провозгласили тост за свободу и получили по семь лет тюрьмы, Бененсон решил заявить протест властям Португалии. Понимая, что сил одного человека в таком деле недостаточно, Бененсон положил начало широкомасштабной кампании писем протеста португальскому диктатору Антониу Салазару. Вскоре родилась идея познакомить широкие слои общества с положением политических заключенных в разных странах мира. Бененсон поделился планами с известным квакером Эриком Бейкером и популярным адвокатом Луисом Блом-Купером. Совместно они разработали детали кампании «Призыв к амнистии 1961 г.», предполагавшей не только освобождение заключенных по религиозным и политическим мотивам, но и обеспечение им справедливого суда и полити-

ческого убежища. Кампания началась 28 мая статьей «Забытые узники» в либеральной лондонской газете «Обсервер», редактором которой был один из друзей Бененсона. «Откройте газету в любой день недели, – говорилось в статье, – и вы прочтете о том, что где-то в мире люди подвергаются заключению, пыткам и казням из-за неприемлемых для правительства убеждений»¹. Рассказав о восьми «забытых узниках», Бененсон призвал группы граждан взять под защиту узников из западных стран, советского блока и «третьего мира».

Статья была перепечатана газетами разных стран, и в офис Бененсона стали поступать статьи, справки и сообщения о других заключенных. В ряде государств создавались аналогичные группы, а через два месяца в Люксембурге встретились представители Великобритании, Ирландии, Бельгии, Франции, США и Швейцарии, которые обсудили будущее движение. Придя к выводу, что за год успеха добиться нельзя, они решили основать постоянную организацию «Международная Амнистия», которая передавала бы дела заключенных национальным группам для рассмотрения. Руководителем ее был избран Питер Бененсон. Эмблемой организации стала свеча в витке колючей проволоки – образ, навеянный пословицей «Зажечь одну свечу лучше, чем расточать проклятия тьме».

В числе первых новая организация занялась делом Йозефа Берана, священника из Чехословакии, который находился в заключении еще при нацистах, а затем был арестован коммунистами за проповедь с осуждением режима, произнесенную им в качестве архиепископа Праги. Шон Макбрайд, юрист, включившийся в работу МА, отправился в Прагу с ходатайством об освобождении Берана. Макбрайд – единственный, кто удостоился и Нобелевской премии мира, и Ленинской премии, – добился встречи с министром иностранных дел Чехословакии; 18 месяцев спустя Беран и четыре других епископа были освобождены. В этом и в других случаях «Международная Амнистия» не стремилась к огласке,

¹ Лауреаты Нобелевской премии: Энциклопедия / пер. с англ. – М., 1992. – С. 123.

т.к. правительства старались скрыть факты преследования за убеждения, и любой шум осложнял деятельность правозащитников.

Успехи организации следовали один за другим. В 1962 г., после визита Блом-Купера в Гану, было освобождено 152 политзаключенных. В следующем году получил свободу западногерманский профсоюзный лидер, похищенный властями ГДР. В 1964 г. организация добилась освобождения 38 узников в Ирландии, как и тысяч других в Бирме, Греции, Египте и Румынии. Макбрайд приписывал эти победы потоку писем об узниках. «Поскольку проблема достигла правительственного уровня, – объяснял он, – в определенных кругах задумались над тем, есть ли смысл удерживать этих людей в заключении. Чаще всего делался вывод, что смысла нет»¹.

Несмотря на то, что «Международная Амнистия» продолжала расширяться в ее руководстве в 1966 г. возникли разногласия. Бененсон отметил, что доклад МА, осуждающий бесчеловечное обращение с арабскими пленниками англичан в Адене (ныне часть Народной Демократической Республики Йемен), приостановлен из-за давления британского министерства иностранных дел. В свою очередь члены МА упрекнули Бененсона в контактах с британским правительством. Вскоре Бененсон подал в отставку, и генеральным директором был назначен Эрик Бейкер, один из основателей организации. Всего лишь за год Бейкеру удалось добиться сплочения организации. Количество групп-участниц с 410 в июне 1967 г. к концу года достигло 550. Бейкера сменил Мартин Энналс, бывший лидер Британского национального совета гражданских свобод, он возглавлял организацию в течение 12 лет, когда утвердилась ее репутация самого надежного защитника прав человека во всем мире. В конце 1960-х годов «Международная Амнистия» получила консультативный статус при ООН, а также Совете Европы. В 1972 году организация получила статус консультанта при Межамериканской комиссии по правам человека.

¹ Там же. – С. 125.

С 1972 года «Международная Амнистия» отошла от практики защиты прав человека в каждом отдельном случае, начав кампанию против пыток и за человеческое обращение с политическими заключенными. В рамках кампании было собрано более миллиона подписей под петицией о немедленном запрещении пыток во всем мире. В следующем году текст петиции был представлен Генеральной Ассамблее ООН.

Много внимания МА уделяла узникам совести, людям, осужденным за национальность, язык и религию. 1977 год организация объявила Годом узников совести. В том же году ей была присуждена Нобелевская премия мира. В своей речи представитель Норвежского нобелевского комитета Осе Лионес обрисовала картину прогресса в деле защиты прав человека с момента создания организации. «Принимая решение в пользу «Международной Амнистии», – заявила она, – нобелевский комитет исходил из убеждения, что защита человеческого достоинства от пыток, насилия и распада составляет весьма важный вклад в дело мира»¹.

Принимая награду от имени организации, М. Сёзал (Турция) произнес ответную речь. «Мир не определяется отсутствием войны, – сказал он, – но возводится на фундаменте справедливости. Там, где справедливости нет, прорастают семена конфликта. Поругание прав человека порождает угрозу миру»². Отметив некоторые успехи в защите прав человека, Сёзал с горечью подчеркнул тревожащий рост числа похищений и случаев внесудебной расправы. Он воспользовался случаем и объявил о программе, нацеленной на полное всеобщее запрещение смертной казни.

Вскоре после церемонии вручения премии МА организовала в Стокгольме конференцию, посвященную проблеме смертной казни. Здесь было принято заявление, осуждающее лишение жизни правительством. Доклад под названием «Смертный приговор» был опубликован в 1979 г. и привлек

¹ Там же. – С. 127.

² Там же.

всеобщее внимание. Андрей Сахаров, в частности, писал: «Отмена смертной казни особенно важна в Советском Союзе, где государственная власть ничем не ограничена и широко распространено презрение к закону и моральным ценностям»¹.

В 1978 г. организация привлекла внимание общественности к судьбе детей, используемых правительствами в качестве средства давления на родителей. Были приведены примеры жестокости к детям на Гаити, в Эфиопии, Южной Африке, Советском Союзе, ГДР, Парагвае и Центральной Америке. В 1979 г. «Международная Амнистия» выступила против международной торговли оружием, особенно продажи его государствам, которые подавляют политические разногласия вооруженной силой. Осуждению подверглись Западная Германия за поставки оружия Гватемале, США – за поставки в Сальвадор – и Великобритания – за продажу оружия правительству Иди Амина в Уганде. В 1981 г. на церемонии в Лондоне Питер Бененсон зажег свечу в ознаменование 20-й годовщины организации. Тогда же в связи с кампанией, имеющей целью покончить с похищениями политических противников, он предложил лозунг «Против забвения»².

В 1984 г. «Международная Амнистия» развернула международную кампанию за ликвидацию пыток как средства государственной политики. В докладе «Пытки в восьмидесятых» (1984) анализировались условия их применения, перечислялись данные о пытках или бесчеловечном обращении с узниками в 98 странах, предлагались меры предупреждения беззаконий.

В 1980-е годы правительства многих стран постоянно подвергали «Международную Амнистию» критике, обвиняя ее в предвзятости и необъективности. Представители СССР обвинили организацию в шпионаже, правительство Марокко

¹ Алексеева Л.М. История правозащитного движения / Л.М. Алексеева. – М., 1996. – С. 57.

² Лауреаты Нобелевской премии: Энциклопедия. – С. 129.

осудило её как защитника лиц, преступающих закон, а аргентинские власти запретили Годовой доклад-1983.

К концу десятилетия растущее число беженцев в мире стало весьма важной темой, вызывающей озабоченность «Международной Амнистии». В то время многие беженцы в разных странах мира оказались перемещены из-за войн и голода. Вместе с тем, придерживаясь своего мандата, «Международная Амнистия» сосредоточила внимание на тех, кому пришлось спасаться бегством от нарушений прав человека, которые организация стремилась предотвратить. МА доказывала, что вместо того, чтобы вводить всё новые ограничения на допуск в страны просителей убежища, правительствам следует сосредоточиться на борьбе с нарушениями прав человека, которые вынуждают людей покидать родину.

Помимо кампании против пыток, имевшей место в первой половине десятилетия, ещё одной масштабной кампанией 1980-х годов стал тур «Human Rights Now!». В нём приняли участие многие известные музыканты и группы того времени, которые выступали на концертах в честь 40-й годовщины принятия Всеобщей Декларации Прав Человека.

В 1990-х годах «Международная Амнистия» под руководством Генерального секретаря Пьера Сане (уроженца Сенегала) продолжала развиваться. Она по-прежнему занималась широким спектром вопросов и не оставалась в стороне от мировых событий. Например, в 1992 году несколько групп из ЮАР объединились и приняли Пьера Сане, прибывшего для встречи с правительством апартеида, чтобы добиться расследований по заявлениям о злоупотреблениях в полиции, прекращения продажи оружия в район Великих озёр и отмены смертной казни.

«Международная Амнистия» была вынуждена отреагировать на нарушения прав человека, происходящие в условиях разрастания вооружённых конфликтов в таких странах и регионах, как Ангола, Восточный Тимор, Персидский залив, Руанда, Сомали и бывшая Югославия. Организация не занимала какой-либо позиции в вопросе о том, следует ли под-

держивать военное вмешательство извне в эти вооружённые конфликты. Она не отвергала (и не отвергает) необходимость в применении силы и не требует от конфликтующих сторон сложить оружие. Напротив, организация усомнилась в мотивах, стоящих за иностранным вмешательством и избирательностью международной кампании в том, что касается стратегических интересов государств, направляющих войска в зоны конфликтов. МА заявила, что своевременные действия необходимы для того, чтобы проблемы в области прав человека не обернулись катастрофой, и что вмешательство и бездействие в равной мере говорят о несостоятельности международного сообщества.

В то же время «Международная Амнистия» активно добивалась признания всеобщности прав человека. Пятидесятилетие Всеобщей декларации прав человека ознаменовалось кампанией под названием «Get Up, Sign Up» (Встань и присоединись). В ходе кампании удалось собрать 13 миллионов подписей в поддержку декларации.

«Международная Амнистия» обращала внимание на нарушения прав определённых категорий людей, в том числе беженцев, представителей расовых, этнических и религиозных меньшинств, женщин, а также казнённых и приговорённых к смертной казни. Доклад, посвящённый проблеме смертной казни «When the state kills» (Когда государство убивает) и кампания «Human Rights Are Women's Rights» (Права человека – права женщин) сыграли ключевую роль в работе по этим проблемам. Как доклад, так и кампания доказали, что МА остаётся верной основополагающим принципам своей деятельности, освещая острые вопросы и организуя кампании. На межправительственном уровне «Международная Амнистия» выступала за создание поста Верховного комиссара ООН по правам человека (учреждён в 1993 году) и Международного уголовного суда (учреждён в 2002 году).

После 2000 года МА включила в повестку дня вызовы, которые принесла с собой глобализация и последствия террористических ударов по США 11 сентября 2001 года. Про-

блема глобализации вызвала значительные изменения в политике организации. Сфера её деятельности расширилась и теперь охватывала экономические, социальные и культурные права. Ранее организация отказывалась от работы в этом направлении. «Международная Амнистия» посчитала подобные изменения в работе крайне важными не только в связи с усилением принципа неделимости всех прав, который пропагандирует организация, но и по причине растущего влияния коммерческих предприятий и подрыва суверенности многих государств в результате глобализации.

После атаки террористов на Нью-Йорк 11 сентября 2001 г. отдельные положительные результаты, которых удалось добиться правозащитным организациям в предыдущие десятилетия, оказались подорваны. «Международная Амнистия» настаивала, что права человека служат основой безопасности каждого, а не препятствуют ей. Администрация Буша и газета «Вашингтон Пост» выступили с критикой в адрес организации, когда в 2005 году Генеральный секретарь МА Айрин Кан сравнила тюрьму США в Гуантанамо (Куба) с советским ГУЛАГом¹.

В первой половине нового десятилетия в поле внимания «Международной Амнистии» оказались насилие в отношении женщин, контроль за оборотом оружия в мире и тревога по поводу эффективности ООН. Не осталась «Международная Амнистия» безучастной и к новому размаху вооруженных конфликтов в конце XX начале XXI века: мандат организации был расширен, чтобы противостоять нарушениям прав человека не только со стороны правительств, но и противостоящих им вооруженных групп.

Сегодня «Международная Амнистия» является всемирно признанной и авторитетной организацией, делегаты которой присутствуют на встречах с членами правительств и лидерами межправительственных организаций, таких как ООН. Представители «Международной Амнистии» постоянно уча-

¹ American Gulag // The Washington Post. – 2005. – May, 26.

ствуется в обсуждении вопросов соблюдения прав человека на международном уровне¹.

В настоящее время организация насчитывает 56 национальных секций (полноправных национальных организаций), свыше 7,5 тысяч местных групп, более 1,8 миллиона членов и сторонников в более чем 140 странах мира². Усилия отдельных членов МА координируют следующие структуры:

1) На местном уровне члены образуют группы из пяти и более человек, чтобы совместно проводить акции.

2) На общенациональном уровне деятельность членов и групп развивается, поддерживается и координируется секциями либо другими органами.

3) На международном уровне деятельность секций, групп и членов координируется и поддерживается Международным секретариатом – центральным офисом МА. Секретариат координирует исследования случаев нарушений прав человека. Секретариат инициирует большинство кампаний и акций МА.

Согласно уставу «Международная Амнистия» является демократической организацией, действующей на основе принципа самоуправления³. Это означает, что члены МА решают, над какими проблемами организации следует работать и каким образом. Решения принимаются по следующей схеме: локальные группы обсуждают вопросы и проблемы, внося свои предложения в повестку съездов национальных секций и других координационных органов. Поступившие предложения обсуждаются на съезде, проводится общее голосование. Решения секций направляются в Международный совет, который является основным органом управления МА. В состав совета входят представители всех секций, которые встречаются раз в два года на Съезде Международного совета. Только этот орган уполномочен вносить изменения в Устав организации, принимать решения по общей политике ор-

¹ Справочник «Международной амнистии». Российский ресурсный центр «Международной Амнистии». – М., 2004. – С. 2.

² Что такое Международная Амнистия // <http://www.amnesty.org.ru>

³ Устав «Международной Амнистии» // <http://www.amnesty.org.ru>

ганизации и отдельным программам, а также утверждать бюджет Международного секретариата.

Каждый раз во время съезда проходят выборы Международного исполнительного комитета (МИК), призванного контролировать выполнение принятых на съезде решений. Комитет, состоящий из девяти добровольцев, исполняет функции управляющего органа МА между съездами. Международный Исполнительный Комитет обеспечивает общее руководство и надзор за деятельностью Международного секретариата, помимо этого МИК назначает Генерального секретаря движения, который занимается решением повседневных вопросов, выступает от имени организации и является исполнительным директором Международного секретариата. Международный секретариат следит за претворением в жизнь политики движения, собирает и анализирует сведения о нарушениях прав человека, а также дает рекомендации секциям, группам и членам МА по проведению кампаний и мероприятий¹.

Согласно новой редакции устава принятом на всемирном съезде МА в 2003 г. цели и задачи организации в сегодняшнем мире определяются следующим образом: «Международная Амнистия» видит мир таким, в котором каждый человек пользуется всеми правами, закрепленными во Всеобщей декларации прав человека и других международных стандартах в области прав человека. Для достижения этой цели, задача «Международной Амнистии» – предпринимать исследования и действия, направленные на предупреждение и прекращение серьезных нарушений прав на физическую и психологическую неприкосновенность, на свободу совести и самовыражения, на свободу от дискриминации – в контексте своей работы по продвижению прав человека»². Международная Амнистия стремится достоверно и оперативно выявлять факты нарушения прав человека, последовательно и объективно расследовать конкретные случаи, изучать тенденции и преда-

¹ Там же.

² Там же.

вать гласности полученные сведения. Члены, сторонники и сотрудники организации оказывают давление на правительства, а также на политические группы, межправительственные структуры и деловой мир с целью пресечения нарушения прав человека. Помимо работы с конкретными случаями, МА призывает правительства всех стран к исполнению законов, а также к принятию и соблюдению норм, защищающих права человека. Организация занимается различными образовательными проектами в области прав человека и стремится добиваться признания прав человека межправительственными организациями, отдельными лицами и общественными органами. Основная деятельность МА заключается в расследовании случаев нарушения прав человека, публикации результатов и проведении кампаний с целью пресечения этих нарушений. Организуя кампании, активисты МА добиваются изменений, таких как освобождение узников совести или отмена смертного приговора. Они выступают за изменения в законодательстве и в массовом сознании. Члены МА предпринимают разнообразные шаги для достижения этих целей:

1) напрямую обращаются к правительствам и другим инстанциям, на которых лежит ответственность за нарушения прав человека, призывая принять меры по конкретным случаям, либо внести изменения в законодательство и существующее положение дел;

2) ведут работу с межправительственными организациями, такими как ООН, чтобы направить их ресурсы на укрепление прав человека, в том числе путем принятия стандартов в области права человека и восстановления нарушенных прав в конкретных ситуациях, либо принятия мер по актуальным проблемам:

3) Обращаются к правительствам собственных стран, чтобы принудить их отреагировать на случаи нарушения прав человека в других странах, либо изменить внутреннее законодательство и сложившуюся практику. Члены МА лоббируют правительство по таким вопросам, как защита беженцев, экспорт вооружений и другие разновидности переда-

чи вооружений и технологий в сфере обеспечения безопасности;

4) сотрудничают с другими неправительственными организациями, такими как правозащитные группы или профессиональные ассоциации (например, ассоциации учителей или врачей), а также оказывают образовательную и иную поддержку активистам-правозащитникам;

5) оказывают помощь жертвам и семьям пострадавших, в особенности узникам совести и жертвам пыток;

6) поддерживают и проводят образовательные программы по правам человека, с помощью которых люди узнают о своих правах и учатся защищать их;

7) мобилизуют широкую общественность путем проведения акций на местном, национальном и международном уровнях, а также посредством работы со СМИ¹.

Несмотря на то, что подчас довольно сложно доказать прямую связь между деятельностью организации и улучшением ситуации с правами человека, за годы своей работы МА достигла впечатляющих результатов. С начала своей деятельности в 1961 году организация выступила с призывом от имени тысяч и тысяч жертв нарушений прав человека. Положение многих из них улучшилось: некоторых выпустили из тюрем, другим вынесли менее суровые приговоры, кто-то получил возможность предстать перед беспристрастным судом, с кем-то стали лучше обращаться в заключении, некоторым отменили смертный приговор. С того момента как первый призыв к срочной помощи прозвучал в 1973 году, МА выпустила свыше 16 6001 обращений о срочной помощи от имени мужчин, женщин и детей, которым грозила непосредственная опасность. Примерно в каждом третьем случае акция срочной помощи приводит к улучшению положения пострадавшего, ради которого выпускается обращение². Есть и другие направления, в рамках которых МА сумела внести весомый вклад в дело укрепления прав человека. МА, наряду с

¹ Справочник «Международной амнистии». – С. 14.

² Там же. – С. 15.

другими организациями, добивалась от ООН принятия и усовершенствование международных стандартов по защите прав человека. С 1961 года было принято значительное число документов в области международного права, призванных защищать права людей во все мире. МА также может с полным основанием гордиться своим вкладом в дело придания особого статуса проблеме прав человека – статуса, выходящего за границы сугубо национальной или внутрипартийной политики. Не исключено, что крупнейшим достижением МА стало признание мировой общественностью прав человека как одного из принципов международных отношений.

Ежегодно МА проводит порядка 800 акций срочной помощи (включая возврат к прошлым случаям). Не менее трети из них приводят к положительным результатам. Например, в 2003 году эффект достигнут в 42% случаев¹. На данный момент Международная Амнистия проводит несколько крупных кампаний таких как: «Остановим насилие в отношении женщин», «Искусство за права человека», «Оружие - под контроль», «Остановим пытки», «Смертная казнь», «Права человека в Интернете», «Международное правосудие», «Образование в области прав человека» и др.

В конечном итоге все проводимые «Международной Амнистией» исследования и кампании направлены на то, чтобы помочь конкретным людям. Наиболее очевидным, но не единственным результатом ее работы является освобождение узников совести. К другим результатам относятся смягчение режима тюремного заключения, предотвращение либо прекращение пыток, отмена вынесенного смертного приговора. Кроме этого, жертвы нарушений прав человека получают возможность надеяться на реальные перемены, зная, что о них не забыли. Бывшие узники, жертвы пыток и другие люди, чьи права были грубо нарушены, часто говорят, что именно вмешательство международной правозащитной организации обеспечило им свободу и сохранило жизнь.

¹ Что такое Международная Амнистия // <http://www.amnesty.org.ru>

И.В. Форет

ФРАНЦИЯ И ГЕРМАНИЯ: ИСПЫТАНИЕ 1989 ГОДОМ

С 1963 по 1989 годы франко-западногерманский союз являлся образцом партнерства европейских государств, но с исчезновением конфликта Запад-Восток и, соответственно, биполярной системы альянс начал испытывать трудности. Как писал в своих мемуарах министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин, до середины 80-х годов во французской внешнеполитической программе преобладало стремление сохранить особые отношения с ФРГ, а также желание играть ведущую роль и поддерживать независимость от США, хотя предпочтения европейских партнеров Франции, в том числе и ФРГ, значительно отличались от французских¹. Хотя франко-германская ось была важна для обеих сторон, по мере углубления интеграционного процесса между партнерами возрастало напряжение. Германия являлась сторонницей как расширения ЕС, так и дальнейшего углубления интеграционного процесса², Франция же все еще с осторожностью относилась к установлению многих договоренностей, в том числе и по вопросу обороны в рамках политического союза³.

Крах Берлинской стены перевернул все основные политические, дипломатические, стратегические и экономические положения, основанные во времена идеологического конфликта Востока и Запада. Г. П. Шварц, специалист по истории Германии, так описывает последствия объединения и возвращения единой Германии: «Огромная немецкая мощь, запечатленная в истории, находится в трудном положении и не может раствориться в Европе подобно кусочку сахара; эта мощь неприятна ни соседним странам, ни даже самим нем-

¹ Védrine H. Les mondes de François Mitterrand à l'Élysée. 1981 – 1995 / H. Védrine. – P., 1996. – P. 134.

² Calleo D.P. and Staal E.R. (eds.) Europe's Franco – German engine / D.P. Calleo, E.R. Staal. – Washington, 1998. – P. 63.

³ Ibid. – P. 65 – 66.

цам, которые боятся собственной силы и враждебности более слабых народов; но немцы не смогут избежать своей судьбы»¹.

События ноября 1989 года и последовавшее объединение Германии вызвали шок во Франции². Вновь возникла такая же напряженная ситуация какая была в послевоенное время; президент и общественность выражали опасения по поводу возможного экономического и политического доминирования Германии³. Не смотря на все заверения канцлера Коля⁴, преобладающее большинство французов считало, что если Германия не будет сдержана рамками союза, то однажды она вновь может стать экспансионистской и агрессивной державой⁵. В дополнение этого, налицо было явное опасение, что ФРГ может потерять всякий интерес к европейской интеграции и обратить свое внимание и приоритеты на страны ЦВЕ⁶. Президент Миттеран опасался, что объединенная Германия больше не будет нуждаться во французской поддержке на международной арене. Тридцатилетний опыт партнерства с ФРГ, как казалось правительству V Республике, находился под угрозой.

Подобные страхи спровоцировали огромное число политических акций со стороны правительства Франции, которая время от времени президентствовала в ЕС. Сначала Миттеран, казалось, стремился сдержать процесс объединения Германии. Затем последовало его предложение о создании панъевропейской конфедерации⁷. Этот проект, который также отчасти являлся и ответом на возрастающее влияние НАТО в

¹ Agir pour l'Europe. Sous la direction de l'Ifri. – Masson, 1995. – P.123.

² Boniface P. Heinsbourg F. La puce, les homes et la bombe: l'Europe face aux nouveaux défis technologiques et milit / P. Boniface. – P., 1986. – P.201.

³ Ibid. – P. 203.

⁴ Uwah G. O. Mitterrand's second term: the election of a monarch? / G.O. Uwah // Contemporary review. – 1989. – Vol. 254. – No 1478. – P. 124.

⁵ Boniface P. Heinsbourg F. La puce, les homes et la bombe: l'Europe face aux nouveaux défis technologiques et milit / P. Boniface. – P., 1986. – P. 201.

⁶ Guyomarch A., Machin H., Richie E. France in the European Union / A. Guyomarch, H. Machin, E. Richie. – NY., 1998. – P.118.

⁷ François Mitterrand face aux bouleversements du monde (Un débat entre A. Finkelkraut, P. Hassner et H. Védrine) // Commentaire. – Paris, 1997. – Vol. 20, No 79. – P.651.

странах Восточной Европы, состоял из 2 частей: во-первых, речь шла об углублении европейской интеграции посредством развития Европейского валютного союза (ЕВС) и общей внешней политики и политики безопасности и, во-вторых, о дальнейшем продвижении по пути расширения. Эти предложения, однако, не встретили поддержки со стороны британского и датского правительств, а также ФРГ, которая имела экономическую и стратегическую заинтересованность в скорейшем расширении ЕС на Восток¹. Миттерану пришлось отказаться от идеи конфедерации вследствие острой критики проекта со стороны восточно-европейских стран. Он пришел к убеждению, что лучший способ сдержать ФРГ – это выступить за скорейшую интеграцию². Таким образом, Миттеран и Коль вступили в фазу интенсивных переговоров с целью интеграции объединенной Германии в ЕС. Миттеран был все еще озабочен вопросом дальнейшего расширения ЕС, которое, по его мнению, может поставить под угрозу создание сильной Европы и привести к доминированию ФРГ³. Коль же выступал за поддержку импульса европейской интеграции вовсе не для того, чтобы развеять страхи французов и других европейских партнеров о возрождении германской экспансии.

Урегулирование и перестройка франко-германских отношений началась прямо с возвращением суверенитета объединенной Германии и десоветизацией стран Центральной и Восточной Европы. После холодной войны билатерализм исчерпал себя: отныне он должен был комбинироваться с мультилатерализмом. Именно в этом франко-германский союз вновь обрел свой динамизм. Би-мультилатерализм принимал многочисленные формы в франко-германском союзе в зависимости от природы сотрудничества и географической сферы применения. На самом деле, формы сотрудничества Франции и Германии многообразны и могут быть распро-

¹ Spoltore F. France and Germany at the crossroads / F. Spoltore // *Federalist*. – Pavia. – 1996. – Vol. 38. – No 3. – P. 209.

² Mitterrand F., Wiesel E. *Mémoire à deux voix* / F. Mitterrand, E. Wiesel. – P., 1995. – P. 71.

³ *Ibid.* – P. 74.

странены как на ЕС, так и вне его пределов. С помощью нескольких примеров рассмотрим весь спектр и разнообразие форм сотрудничества Франции и ФРГ. За пределами Европейского Союза сотрудничество трех государств, или «трилатерализм», развивался в положительном русле в следующих формах: Париж-Бонн-Вашингтон, Париж-Бонн-Москва или Париж-Бонн-Варшава¹. Легко прослеживается общность франко-германских интересов в рамках дружественных связей с США, Россией и Польшей². Однако это не исключает ни конкуренцию, ни разнообразие взглядов и мнений, ни противоречия между каждым членом подобного треугольника. Вашингтон, Варшава и Москва могут также отдать предпочтение Бонну или Парижу в этой игре. США и Россия играют ключевую роль в реорганизации западной системы безопасности: во-первых, поскольку реформа НАТО не может быть развернута без них, во-вторых, потому что панъевропейская стабильность и безопасность зависят от взаимоотношений, сложившихся между Западом и Россией.

В заключение можно отметить, во-первых, появление новых параметров – как качественных, так и количественных – франко-германского союза, обозначившихся после холодной войны в Европе. Во-вторых, два партнера с привилегированными и показательными отношениями отныне должны были учитывать панъевропейскую взаимозависимость, посткоммунистические преобразования, сглаживать нестабильность и конфликты, являющиеся неизбежными после исчезновения ялтинской системы.

¹ Colard D. Le partenariat Paris-Bonn: un couple modulable / D. Colard // Défense nationale. – 1996. – Vol. 52. – No 12. – P. 63.

² Remaking the hexagon: the new France in the new Europe / G. Flynn. – Boulder, 1995. – P. 93 – 95.

Ю.В. Салымов

ВКЛАД НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ В РАЗВИТИЕ
ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ВОРОНЕЖСКОЙ
ЗЕМЛЕ В XVIII ВЕКЕ

Немецкие ученые сыграли значительную роль в развитии многих отраслей русской науки и просвещения в России в XVIII в. Их деятельность не обошла стороной и Воронежскую губернию. Немецкие ученые в рамках научных экспедиций проводили исследования по изучению флоры и фауны Воронежского края, вносили географические коррективы в описание Воронежской земли.

Одним из первых исследователей флоры Воронежской губернии стал Т. Гербер. Этому косвенно свидетельствует название его труда, написанном на латыни. При переводе на русский язык название звучит как «Флора придонская в районах Воронежа и Таврова до большого Дона, а также по дороге на Белгород до малого Донца с указанием мест происхождения». В данном названии нет ничего странного, поскольку в XVIII веке в России такие длинные названия были правилом, а не исключением. Собранный Т. Гербером в ходе его поездок по Воронежской губернии гербарий был передан Медицинской канцелярии. Рукописи Гербера не опубликованы, но его визит был первым в истории Воронежа приездом в город человека с чисто научной целью. Следует заметить, что в XX веке книгу Гербера проанализировал известный советский ботаник член-корреспондент Академии наук СССР профессор Воронежского университета Б. М. Козо-Полянский, исследовавший эволюцию растительного мира и историю изучения флоры в Воронежском крае¹. Материалы, собран-

¹ Загоровский, В.П. Воронеж: историческая хроника / В.П. Загоровский. – (<http://www.vrn-histpage.ru/index.php?Year=59>)

ные Т. Гербером представляют интерес и для современных ученых¹.

Еще одним исследователем, прибывшим в Воронежскую губернию, был И. Лерхе. Он увлекался ботаникой, собирал растения и посылал их в Медицинскую канцелярию. И. Лерхе также увлекался метеорологией. Во время своих долгих визитов по стране он фиксировал давление и температуру воздуха, силу и направление ветра, облачность. И Лерхе провел первые инструментальные наблюдения в Москве в 1731-1732 гг., Астрахани, Харькове (1738 г.), кроме того осуществлял метеорологические наблюдения в Воронеже, Азове, Тамбове и других городах. Для некоторых территорий его заметки долгое время оставались единственными и уникальными. Данные И. Лерхе о температуре воздуха учитывались учеными XIX века при написании работ по метеорологии. Работы И.Я. Лерхе представляют определенный интерес и в качестве источника для исторических исследований².

В 1768-1774 гг. Российская академия наук организовала первое в отечественной истории масштабное научное исследование территории страны с точки зрения географии, этнографии, истории, зоологии, ботаники, геологии, минералогии. Изучение приняло форму академических экспедиций, в ходе которых самые видные ученые обследовали целые регионы, а итоги своих исследований фиксировали в научных трудах. Были организованы две основные экспедиции: Оренбургская, состоявшая из 3 отрядов, и Астраханская, включавшая два отряда под руководством С.Г. Гмелина и И.А. Гюльденштедта. Именно эти ученые обследовали Воронежскую губернию.

¹ Лепешкина, Л.А. Биогеографические закономерности формирования флоры воронежского городского округа: автореф. ... дис. к-та. географических наук [Текст] / Л.А. Лепешкина. – Воронеж, 2007. – С. 7.

² Лерхе, И. Я. Выписка из путешествия Иоанна Лерхе, продолжавшегося от 1733 года по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря [Текст] / Пер. с нем. А. Клевецкого и М. Судакова // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Ред. П.А. Зайончковский. – Т. 1. – XV-XVIII века. – М.: Книга, 1976.

С.Г. Гмелин возглавил Астраханскую академическую экспедицию, которая обследовала район Прикаспия, побережье Каспийского моря, Кавказ, северо-западный Иран. Путь С.Г. Гмелина на юг шел через Воронежскую губернию. Он проехал и исследовал Задонский, Воронежский, Бобровский, Новохоперский, Острогожский и Павловский уезды. В состав экспедиции входили рисовальщик Иван Борисов, аптекарь И.Д. Луте. Охотник для набивки чучел Михаил Котов, 4 помощника из числа студентов Академии наук (Яков Ключарев, Степан Крашенников, Иван Михайлов, Сергей Маслов) и солдаты для охраны.

В Воронеже отряд С. Гмелина провел зиму 1768-1769 гг. Путешествуя, С. Гмелин регулярно отправлял рапорты в Академию из Ельца, Воронежа, Павловска. В апреле 1769 г. по просьбе губернатора А.М. Маслова С. Гмелин засвидетельствовал его болезнь. Выехав из Воронежа, ученый провел раскопки в Костенске. Он полагал, что там находятся «слоновые кости». Следуя по реке Дон, он проехал Урыв, Острогожск, Павловск, многие казачьи станицы. Главным сочинением С. Гмелина является «Путешествие по России для исследования трех царств естества...». Для нас наибольший интерес представляет первая часть, в которой описывается путешествие в 1768-1769 гг. из Санкт-Петербурга до столицы донских казаков Черкесска¹. Здесь подробно изображена флора и фауна воронежского края.

Помимо этого, исследования С. Гмелина представляют интерес для изучения быта Воронежской губернии XVIII в. Он отмечал, что здесь дома строят из разного леса и обмазывают снаружи: «Домы в Острогожске, – пишет он далее, – как и везде в Великой России, деревянные и покрыты соломою или деревом, снаружи они все белы, вымазаны мелом, как и везде в Малой России. Но есть также несколько и каменного строения, а церкви по большей части каменные»².

¹ Гмелин, С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы [Текст] / С.Г. Гмелин. – Ч. 1. - СПб., 1777.

² Там же. – С. 137.

Одновременно с С. Гмелиным по Воронежской губернии путешествовал еще один немец И.А. Гюльденштедт. Из Москвы его экспедиция выехала 8 марта 1769 г. В отряде находилось 4 помощника: гимназисты Борис Зряковский, Алексей Беляев, рисовальщик Григорий Белый, чучельник Семен Тарбаев, прошедший обучение в Кунсткамере. Через Задонский уезд И.А. Гюльденштедт прибыл в Воронеж 26 марта 1769 г. 6 мая 1769 г. И.А. Гюльденштедт покинул Воронеж и отправился в Тамбов. С 7 по 11 мая ученый находился в Таврове, где осмотрел верфи. Из Таврова он сообщал об обнаружении многих новых растений. Затем исследователь поехал в село Усмань-Собакина (ныне село Новая Усмань) и оставался там до 15 мая. Далее он ехал через город Орлов (ныне село Орлово), не отмеченный на карте. Он описал почвы воронежского края и первым объяснил происхождение чернозема.

12 июля И.А. Гюльденштедт отправился в Новохоперскую крепость, где прожил месяц. Экспедиция двигалась в основном проселочными дорогами. И.А. Гюльденштедт описал до того неизвестное науке животное, которое назвал слепцом (слепыш). Также он открыл новый вид суслика, впервые описал луговую мышь. Ученый охарактеризовал фауну реки Хопер и озер, отметил богатое разнообразие птиц (22 вида), рыб (в том числе огромных сомов и черепах). Местное население сообщило ему, что еще 20 лет назад в степи водились дикие лошади и козы.

20 августа 1769 г. из Новохоперской крепости был послан очередной отчет: статья о слепце и чучела животных. И.А. Гюльденштедт отметил, что у устья реки Савалы француз Бусероллю дан участок в 2000 десятин земли и ссуда, выданная Мануфактур-коллегией на 10 лет. Иностранец должен был завести шелковичные плантации и организовать колонию поселенцев в 30 семейств. Также благодаря опытам новохоперского коменданта курляндца И. Неймча здесь росли абрикосы, каштаны, виноград. Из Новохоперска И.А. Гюльденштедт уехал после 26 августа и двинулся далее на

юг. Изучение научной деятельности И.А. Гюльденштедт вызывает и сегодня значительный научный интерес¹.

Еще одним немецким ученым, сделавшим значительный вклад в развитие науки и просвещения на воронежской земле, был И.Г. Георги. В 1770 г. он проехал по Воронежской губернии. Главная заслуга этого ученого – его капитальный обобщающий этнографический труд «Описание всех в Российской государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей», содержащий около 100 частично раскрашенных рисунков.

В 1780 г. в журнале «Академические известия» была опубликована до сих пор не известная воронежскому читателю работа «Примечания, служащие к познанию домостроительства и состояния мест в Воронежской, Тамбовской, Азовской губернии по реке Дону». Данная работа, как видно из названия, является обобщающей по ряду регионов. В частности про Воронеж в ней говорится, что город имеет низменное положение, отчего часто заливается водой, а жителями «приключаются» разные болезни. Вся сторона около города вверх и вниз по реке Дон состоит из плодородных черноземных почв, в иных местах даже не требующих удобрений. «Скот, находя для себя довольно корму на тамошних лугах и сенокосах, удаётся хорошо и без особого обиходу»².

Значительный вклад в изучение Воронежской губернии внес П.С. Паллас. В 1795 г. проездом в Крым ученый исследовал флору в Валуйском и Бирюченском уездах Воронежской губернии. В своем отчете Академии наук он писал, что в «прекрасных и плодородных равнинах» вдоль реки Олкол нашел «остатки прекрасной растительности», среди них растения Сибири, шиповник «в таком большом количестве, в каком не видел нигде в России», на ручье Бирюч обнаружил новый вид. В город Воронеж академик не приезжал. П. Пал-

¹ Копелевич, Ю.Х. Иоганн Антон Гильденштедт, 1747–1781. – М.: Наука, 1997.

² Комолов, Н.А. Калейдоскоп воронежской истории [Текст] / Н.А. Комолов. – Воронеж, 2008. - С. 111.

лас регулярно отправлял свои отчеты в Академию наук, которые сохранились и имеют научную актуальность вплоть до сегодняшнего времени¹.

П.С. Паллас открыл множество новых видов флоры и фауны, в его честь назван редкий метеорит – палласит. Деятельность этого ученого отличалась необыкновенной многосторонностью и научной плодотворностью. Уроженец Воронежской губернии, русский зоолог Н.А. Северцев дал ему такую оценку: «Паллас своими приемами в науке, смелыми идеями, высказанными о всех трех царств природы...стоит впереди ученых XIX века»². Среди его выдающихся трудов особенно выделяются «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (СПб., 1773-1788) и «Флора России» (СПб., 1784-1788).

Таким образом, деятельность немецких ученых в XVIII веке в Воронежской губернии сыграла позитивную роль в развитии многих наук. В основном немецкими учеными был сделан вклад в развитие естественнонаучных дисциплин: географии, зоологии, ботаники, геологии, минералогии. Но, на наш взгляд, на этом их вклад в развитие наук не ограничивался, так как их исследования представляют интересный материал и для истории и этнографии, т.к. материалами данных исследователей пользуются ученые последующих поколений³.

Благодаря деятельности немецких ученых на русской земле многие науки значительно обогатили свой понятийный аппарат и опытно-экспериментальную базу. Заметим, что

¹ Научное наследие П. С. Палласа. Письма 1768-1771 гг. [Текст] / Сост. В. И. Осипов. - СПб. 1993.

²Цит. по: Комолов, Н.А. Калейдоскоп воронежской истории [Текст] / Н.А. Комолов. – Воронеж, 2008. - С. 116-117.

³ Гнучева, В.Ф., сост. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов [Текст] // Труды Архива [АН СССР]. - 1940. - Вып. 4. - С.106-108; Осипов, В.И. Петербургская Академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII века [Текст] / В.И. Осипов. - СПб.: ПФА РАН, 1995. - С.51, 83-84; Токарев, С. А. История русской этнографии [Текст] / С.А. Токарев. - М., 1966, С. 103—110.

развивая свою науку, каждый ученый, пусть не задумываясь об этом, делал вклад в развитие одного общего дела – просвещения. Исходя из вышеобозначенных фактов научной деятельности немецких исследователей, мы с уверенностью можем констатировать, что в XVIII веке Воронежская губерния стала плодотворной почвой для научных исследований, тем самым и для развития процесса просвещения.

М.В. Кирчанов

ПОМОРЫ, КНИГА, ТРАДИЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В
ТЕКСТАХ БОРИСА ШЕРГИНА

На протяжении XX века русский национализм и связанная с ним национальная идентичность подвергались различным изменениям, сталкиваясь с новыми вызовами. Самым значительным вызовом для русского националистического канона, который сложился в предыдущем столетии, была модернизация. Русский национализм был типичным национализмом «высокой культуры», будучи тесно связанным с правящими политическими элитами. Русский национализм имел мощный базис в православии, самодержавии, проявляясь в попытках проведения политики русификации и принудительной христианизации. В этом контексте русский национализм принадлежал к числу наиболее авторитарных, традиционалистских и наименее развитых национализмов в континентальной Европе.

Русский национализм почти не был знаком с идеями прав и свобод человека, используя в Империи Романовых как один из механизмов в системе национального угнетения и подавления нерусских народов. Русский национализм, будучи связанным с «высокой культурой», почти не имел, в отли-

чие от европейских национализмов массовой поддержки. В этой ситуации русский национализм не трансформировался в массовое движение, оставаясь уделом наиболее реакционной и консервативно настроенной части российского общества, которое оказалось не в состоянии адекватно реагировать на внешние и внутренние вызовы. Русский национализм в той форме, в которой он существовал в начале XX столетия, практически не обладал адаптивными способностями.

Первая и вторая русские революции нанесли по этой националистической модели немало серьезных ударов. Распад Российской Империи, приход к власти большевиков, советизация России, отказ от великодержавных политических принципов и переход к политике коренизации, новое оформление политического пространства бывшей Империи в форме федерализации значительно ослабили великодержавные тренды в рамках русского национализма. Другим вызовом для этой архаичной модели национализма была регионализация, имевшая в России давние исторические предпосылки. Одним из центров регионализации был Русский Север. Анализируя феномен русской регионализации, следует принимать во внимание, что это была регионализация без регионалистов, без мощного регионалистского движения с политическими лозунгами и требованиями.

Русская регионализация на локальном уровне развивалась как почти исключительно культурный и интеллектуальный феномен. Подобно европейским регионалистам русские националисты значительное внимание уделяли проблемам региональных культурных традиций, языковым особенностям и нравственной, мировоззренческой инаковости региона, его отличности от политического центра и других земель, входивших в состав России. В этом контексте регионализм был формой националистического движения, участники и теоретики которого формировали особый образ своего региона, культивируя локальные идентичности, которые соотносились не только с региональной культурной традицией, но и российским политическим и культурным канонам в це-

лом. Среди наиболее ярких фигур в рамках российского регионалистского политического дискурса, связанного с Русским Севером, особое место занимают Борис Шергин (1893 – 1973)¹.

Националистический нарратив в творческом наследии Б. Шергина² разнообразен, отличаясь не только сложной многоуровневой структурой, контентом, но и обладая значительными языковыми особенностями, которые, как полагал писатель, обречены на исчезновение: «быт города и деревни нивелируется... устанавливается массовый язык»³. Борис Шергин писал на русском языке, используя региональные северные диалектизмы «родной моей страны», которую «обходит с полуночи великое Студеное море»⁴. Приведем несколько примеров уникального языкового нарратива Б. Шергина: «*норвежане и датчане не раз пожалели, что отпустили из рук такого строителя и не *однова докупались* до Конона, манили деньгами, но он не *покорыстовался* и не поехал»⁵, «*у зимы ноги долги, а и зиме приходит извод*»⁶, «сами себе они, *страдники, страм доспели*»⁷, «лес сосновый рубили... *ни**

¹ О Борисе Шергине см.: Галкин Ю. Наш Шергин / Ю. Галкин // Шергин Б. Гандвик – студеное море / Б. Шергин. – Архангельск, 1977. – С. 5 – 12; Галкин Ю. Отцово знание / Ю. Галкин // Шергин Б. Изящные мастера. Поморские былины и сказания / Б. Шергин / сост. Ю. Галкин. – М., 1990. – С. 5 – 16; Горелов А.А. Поморское узорчье / А.А. Горелов // Шергин Б., Писахов С. Сказы и сказки / Б. Шергин, С. Писахов / сост. А.А. Горелов. – М., 1983. – С. 6 – 15; Налепин А. Наставленья к добру / А. Налепин // Шергин Б. Древние памяти. Поморские были и сказания / Б. Шергин / сост. Л. Шульман. – М., 1989. – С. 3 – 14.

² В советский период тексты Б. Шергина неоднократно переиздавались. См.: Шергин Б. Запечатленная слава. Поморские были и сказания / Б. Шергин. – М., 1977. – 440 с.; Шергин Б. Гандвик – студеное море / Б. Шергин. – Архангельск, 1977. – 160 с.; Шергин Б., Писахов С. Сказы и сказки / Б. Шергин, С. Писахов / сост. А.А. Горелов. – М., 1983. – 365 с.; Шергин Б. Гандвик – студеное море / Б. Шергин. – М., 1987; Шергин Б. Древние памяти. Поморские были и сказания / Б. Шергин / сост. Л. Шульман. – М., 1989. – 558 с.; Шергин Б. Изящные мастера. Поморские былины и сказания / Б. Шергин / сост. Ю. Галкин. – М., 1990. – 430 с.

³ Шергин Б. Слово устное и слово письменное / Б. Шергин // Шергин Б. Древние памяти. Поморские были и сказания / Б. Шергин. – М., 1989. – С. 496.

⁴ Шергин Б. Двинская земля / Б. Шергин // Шергин Б. Запечатленная слава. Поморские были и сказания / Б. Шергин. – М., 1977. – С. 34.

⁵ Шергин Б. Рождение корабля / Б. Шергин // Шергин Б. Запечатленная слава. Поморские были и сказания / Б. Шергин. – М., 1977. – С. 23.

⁶ Шергин Б. Двинская земля. – С. 36.

⁷ Шергин Б. Рождение корабля. – С. 24.

кривулины, ни свили, ни заболони»¹, «в листопад придут в город кемские поморы»².

Языковые особенности Русского Севера Б. Шергин был склонен объяснять исторически, связывая их с развитием литературного языка в отрыве от народной формы: «наряду с разговорной народной речью жительствоваала на Руси особливая речь – письменная, литературная. Русские люди – северное славянство – книги читали и книги писали на языке южнославянском, а именно – на болгарском»³. С другой стороны, им акцентировалось внимание и на том, что для языковой культуры Русского Севера, «архангельского Севера» и «поморской среды»⁴, характерен в большей степени континуитет с Новгородом, а не с другими регионами расселения восточных славян.

В этом контексте примечательно то, что Б. Шергин не придавался значительному лингвистическому воображению и в отличие от европейских регионалистов не институционализировал новую литературно-языковую норму. Это не привело к трансформации русского северного национализма в регионализм, способствуя его развитию в рамках русского националистического канона в целом. В своих текстах Б. Шергин акцентировал внимание на наличии особой северной русской культурной традиции, отличной от русской идентичности в целом, полагая, что именно для истории северных регионов была характерна особая историческая преемственность: «Русский Север долго хранил устную и письменную память о морской старине»⁵.

Кроме преемственности с новгородской культурной традицией, Б. Шергин писал, что «слушая, как исполняют былины поморы, можно представить, как звучали эпические песни

¹ Шергин Б. Рождение корабля. – С. 27.

² Шергин Б. Детство в Архангельске / Б. Шергин // Шергин Б. Запечатленная слава. Поморские были и сказания / Б. Шергин. – М., 1977. – С. 49.

³ Шергин Б. Слово устное и слово письменное. – С. 484.

⁴ Шергин Б. Беломорская Русь / Б. Шергин // Шергин Б. Изящные мастера. Поморские былины и сказания / Б. Шергин. – М., 1990. – С. 263.

⁵ Шергин Б. Рассказы о кормщике Маркеле Ушакове / Б. Шергин // Шергин Б. Древние памяти. Поморские были и сказания / Б. Шергин. – М., 1989. – С. 196.

древней Европы»¹, подчеркивая тем самым включенность Русского Севера в большой европейский культурный контекст. В рамках регионализма Б. Шергина присутствует комплекс нарративов, призванных сформировать уникальный и, как правило, аттрактивный («Обильна Двинская земля! Богаты рыбой и зверем, и скотом, и лесом умножена»²) образ «Архангельской страны, Двинской земли»³ – Русского Севера: «полуночная наша страна ширóка и дивна. С востока привержена морю Печера, с запада земля Кемь и Лопь, там реки рождают золотой жемчуг... от Студеного моря на полдень развеличилось Белое море, наш светлый Гандвиг. В Белое море пала Архангельская Двина. Широка и державна, тихославная та река плывет с юга на полночь и под архангельской горой встречается с морем... тут островами обильно... где берег возвыше, там люди наставились хоромами... а кругом вода...»⁴.

В сознании поморов Русский Север, как писал Б. Шергин, воспринимался как Родина, которая в ряде текстов обозначается им как «Русь»⁵. Эта география формируется как своеобразный интеллектуальный протест против центра, который через образование («жизнь была сама по себе, а школа сама по себе. Город стоял наш у моря, а ни о Севере, ни о родном крае, ни о море мы в школе не слыхали»⁶) стремился разрушить местные идентичности, размыть их границы, интегрировав в большой российский национальный канон. В рамках этой воображаемой географии Русского Севера заметны не только руританские, сельско-периферийные, но и урбанистические тренды.

В этом контексте Архангельск предстает как коллективное «место памяти», которое ассоциируется не только связя-

¹ Шергин Б. Слово устное и слово письменное. – С. 483.

² Шергин Б. Двинская земля. – С. 36.

³ Шергин Б. Новая земля / Б. Шергин // Шергин Б. Запечатленная слава. Поморские были и сказания / Б. Шергин. – М., 1977. – С. 75.

⁴ Шергин Б. Двинская земля. – С. 34, 35.

⁵ Шергин Б. Новоземельское знание / Б. Шергин // Шергин Б. Запечатленная слава. Поморские были и сказания / Б. Шергин. – М., 1977. – С. 72.

⁶ Шергин Б. Детство в Архангельске. – С. 53.

ми с Западом («от архангельских пристаней отплывают корабли на запад – в Норвегию, Швецию, Данию, Германию, Англию и Америку»¹), но предстает как новое пространство, созданное в результате институционализации советского – в некоторых текстах Б. Шергина именно Советы «пытливым оком посмотрели и твердой ногой ступили»² на Русский Север. Шергин был среди тех интеллектуалов, которые формировали воображаемую географию, имевшую в большей степени культурное и языковое значение, почти не обладая, в отличие от европейских регионализмов, политическим содержанием.

Среди компонентов северорусского регионализма в версии Б. Шергина – своеобразная «трудовая этика», связанной с уникальной северной разновидностью коллективизма, который способствовал формированию в поморской среде сообществ-артелей: «в те дни и годы отобралось маленькое стадышко низовских моряков в артель, чтоб не кланяться хозяевам, не глядеть из чужих рук»³. Трудовая этика связан с гендером. Половая принадлежность определяла форму социализации, выстраивая и регулируя отношения занятости. В текстах Б. Шергина формируется образ женщины, занятой не только патриархальным, гендерно детерминированным трудом («зимой наткут бабы полотен и белят на стлицах вокруг деревень»⁴) наравне с мужчиной, но и выполняя те функции, которые в других русских регионах были узурпированы исключительно мужчинами, например – управление судами в море⁵.

Женщина Русского Севера пребывала в условиях социально-культурной дихотомии: с одной стороны, традиционная культурная и социальная коммуникация, завязанная на обычных женских видах деятельности («в будни просижива-

¹ Шергин Б. Двинская земля. – С. 40.

² Шергин Б. Двинская земля. – С. 40.

³ Шергин Б. Рождение корабля. – С. 25.

⁴ Шергин Б. Двинская земля. – С. 39.

⁵ Шергин Б. Двинская земля. – С. 43.

ла за работой»¹), с другой – включенность в жизнь сообщества, доступ к образованию. Значительный процент женщин Русского Севера, в отличие от других российских регионов, умел писать и читать. Поэтому, «толстая поморская книга»² была среди важнейших атрибутов женского культурного бытия на Севере. При этом принудительный труд («...я вот скажу отцу, посадит он тебя парусину дратвой штопать...»³) был формой наказания за попытки разорвать замкнутые социальные и культурные связи в том случае, если инициаторами разрыва выступали женщины.

В культурное пространство Русского Севера книга была интегрирована в традиционную культуру в гораздо большей степени, чем в социальные и культурные практики других регионов. Шергин, указывая на континуитет книжной культуры Новгорода и поморов, подчеркивал, что книга для Русского Севера имела принципиально важное значение. Относительно культурной и исторической преемственности Б. Шергин писал, что «на Пинеге в начале века двадцатого можно было увидеть деревянную Русь... во всем: в архитектуре, одежде, песнях, быту – Русь, в лице граждан Великого Новгорода, освоила Север»⁴. Описывая северную литературу, Б. Шергин подчеркивал, что это была «литература стихийно-народная, самобытно-русская»⁵.

Но и в таких сообществах, связанных принципами трудовой этики, были маргинальные фигуры, среди которых один из героев рассказа «Рождение корабля» Василь – «был на все талантлив, ко всему горяч, жаден на всякое добро и неистов на зло... временем бесчинствует... унесет с корабля дорогую какую вещь и продаст, и прогуляет... укараулит пароход английский или норвежский, упромыслит себе приятелей тако-

¹ Шергин Б. Детство в Архангельске. – С. 46.

² Шергин Б. Детство в Архангельске. – С. 46.

³ Шергин Б. Детство в Архангельске. – С. 46.

⁴ Шергин Б. Марья Дмитриевна Кривополенова / Б. Шергин // Шергин Б. Древние памяти. Поморские были и сказания / Б. Шергин. – М., 1989. – С. 120.

⁵ Шергин Б. Запечатленная слава / Б. Шергин // Шергин Б. Древние памяти. Поморские были и сказания / Б. Шергин. – М., 1989. – С. 17.

вых, каков сам, и в портовых притонах ножи кровью поят из-за подруг»¹. В культуру Русского Севера вписывалось употребление алкоголя, но возлияния не были постоянной практикой, приурочиваясь к социальнозначимым событиям, например – к спуску нового корабля: «на палубе накрыт был стол со всякой едой... за столом радовались до вечера. Таково напировались, ажно в карбас вечером погрузились не без кручины... старые капитаны в воду пали, мало не потонули. Куда и хмель девался... домой плыли – только мама да Котон гребли. Остальные вовсе в дело не годились... к берегу причалили – и на гору наши гости не могут, заходили по въезду на четвереньках. Вот сколь светлы были»².

Среди характерных особенностей националистического нарратива по Б. Шергину – европейский, окцидентальный характер Русского Севера, что, например, проявлялось в связях с Европой: «...еще мой отец плавал в Датску – Норвегию... рассказывал: как придем в Стокгольм или Копенгаген на шнеках, профессора студентов приведут обмерять и рисовать наши суда – то-де корабли древних мурманов...»³. В текстах Б. Шергина поморский регион предстает интегрированным в европейский исторический контекст, а поморы фигурируют как северные русские европейцы знакомые с европейской традицией и известные в самой Европе.

Русская регионализация и русский культурный регионализм принадлежат к числу сложных, многоуровневых явлений. Феномен русского регионализма в его северной версии связан с противоречивой культурной, интеллектуальной и политической динамикой в русской истории XX века. Политическая модернизация и революции сделали невозможным формирование большого националистического дискурса, своеобразного националистического канона универсального для всех российских националистов. Политическая динамика XX столетия способствовала культурной и интеллектуальной

¹ Шергин Б. Рождение корабля. – С. 30.

² Шергин Б. Рождение корабля. – С. 32 – 33.

³ Шергин Б. Рождение корабля. – С. 22.

фрагментации российского политического пространства, что сопровождалось попытками политической унификации. Реакцией на эту унификацию стал культурный регионализм, представленный, в том числе, и в текстах Бориса Шергина.

Русские северные интеллектуалы были не только националистами, являясь, вместе с тем, и регионалистами, которые способствовали формированию и развитию нового националистического дискурса. Историческая память и националистическое воображение в политическом и интеллектуальном контексте Русского Севера играли роль мощнейших факторов, которые способствовали формированию новых типов идентичности. Националистическое воображение было тем механизмом, которое способствовало артикуляции и развитию националистических трендов в рамках русской северной культуры. С другой стороны, русский северный регионализм был и антимодернизационным движением, порожденным несогласием периферии с той модернизационной практикой и стратегией, которая предлагалась политическим центром.

В рамках регионализма по версии Б. Шергина предлагались альтернативные модели политической и культурной идентичности, формировались иные, отличные от официальных, образы самости и дискурсы чуждости. В этом контексте северный интеллектуальный регионализм был попыткой сопротивления политике культурной, политической, языковой, интеллектуальной, социальной и идеологической унификации, навязываемой регионам из центра. В этой социокультурной и интеллектуальной конкуренции преимущества были на стороне центра, который начал самостоятельно институционализировать регионы, «воображая» и соответственно интегрируя в большой советский националистический канон. Поражению регионализма способствовал и его почти исключительно литературно-интеллектуальный характер: регионалисты-интеллектуалы были не в состоянии противостоять унификационной стратегии центра, которая привела к трансформации культурного и интеллектуального пространства, его унификации. Поэтому, тексты русских северных ре-

гионалистов на протяжении второй половины XX века трансформировались, став своеобразными коллективистским «местами памяти».

Ю.А. Горлова

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ КИТАЙСКОГО СООБЩЕСТВА В ИНДОНЕЗИИ

В исследовательских и политических сообществах Запада не прекращаются дискуссии о причинах феноменального экономического развития Китая. Большинство исследователей согласны с тем, что значительный вклад в развитие страны оказала китайская диаспора. В самом Китае она получила наименование «хуацяо»¹. На протяжении многих веков китайцы из-за постоянных природных катаклизмов, бесконечных войн и голода вынуждены были иммигрировать в другие страны. Возможно, что секрет успеха китайских сообществ объясняется высоким уровнем этнической общности и взаимопомощи, присущей китайцам, наличием устойчивой групповой идентичности. С первых дней существования китайских поселений в них сложились социальные отношения, которые были характерны для китайской аграрной периферии. На новое место жительства часто переезжали все мужчины той или иного локального сообщества, как правило, связанные родственными узами. И уже значительно позже к ним присоединялись женщины. Со временем мелкие кланы сливались в один более крупный. Благодаря закрытому характеру китайских сообществ, поддерживается низкий процент смешанных браков и замкнутая этнокультурная идентичность.

¹ Литературный китайский – 印度尼西亞華人; разговорный китайский – 印度尼西亞華人

Один из исследователей «азиатского чуда», С. Вербицкий, подчеркнул некоторые важные тенденции в отношениях между хуацяо и метрополией. Китайские власти никогда не упускали из поля зрения, уехавших за границу своих сородичей, стремясь извлечь из связей с ними максимальные выгоды. Любо́й китаец, покинувший страну, продолжал рассматриваться как ее подданный. В 1909 году эта традиция была узаконена. В основу определения китайского гражданства власти положили «принцип крови», что делало выходцев из Китая подданными империи. В Пекине хорошо осознавали, каким колоссальным потенциалом обладает китайская диаспора, как важно иметь с ней хорошие отношения. При всех зигзагах политического курса, власти неизменно сохраняли благожелательное отношение к хуацяо. Отказ от принудительной экспроприации частной промышленности и торговли после прихода коммунистов был продиктован желанием сохранить связи с китайскими сообществами вне Китая. Но в годы культурной революции не обошлось без репрессий в отношении родственников хуацяо. После смерти Мао, новое руководство КНР объявило, что любые действия, направленные на подрыв «любви хуацяо к родным местам» являются «левацким уклоном». Репатриантам возвращают материальные ценности, конфискованные в ходе «культурной революции». Для удовлетворения нужд хуацяо в Китае создаются специальные банки, магазины, отели, санатории. Специальные организации защищают права и интересы зарубежных китайцев. В 1960 году правительство учредило Университет «Хуацяо». Девиз его работы – «Служить китайским эмигрантам-хуацяо, распространять китайскую культуру». За годы его существования здесь получили образование свыше 75 тысяч студентов, включая 36 тысяч из-за рубежа. Современная китайская диаспора составляет более 60 миллионов человек – это население крупного европейского государства, чьи совокупные активы оцениваются примерно в 3 триллиона долларов.

Правительству КНР эффективно используют патриотизм китайцев, их экономическое благосостояние и политическое влияние в своих внутренних и внешнеполитических целях. Взвешенный, прагматический подход к взаимоотношениям с зарубежными соотечественниками приносит Китаю немалые преимущества. Руководство страны рассматривает китайские сообщества за рубежом как важнейший источник инвестиций в китайскую экономику и лоббизма в пользу Китая. Хуацяо вложили в страну своих предков больше капиталов, чем США, Западная Европа и Япония вместе взятые. На их долю приходится свыше двух третей всех прямых зарубежных инвестиций, достигших 400 миллиардов долларов. Наличие финансово мощной, управляемой, способной на согласованные действия китайской общины в Азии является важным фактором становления «Большого Китая», под которым понимается экономическое единство всех китайцев, скрепленное этнической общностью. Китайская диаспора является важным посредником между Китаем и развитыми странами. Ее финансовый и политический потенциал способствует постепенному формированию нового экономического объединения, способного не просто противостоять конкуренции других государств и блоков, но и привести к возникновению мощной мировой державы, организующий жизнь и деятельность четверти населения планеты и притягивающей к себе многочисленные китайские общины во всем мире¹.

Пытаясь понять «азиатское чудо», Всемирный Банк опубликовал свой обзор экономики азиатских стран, при этом не было дано никаких чисто экономических формул успеха. Ключ был найден в культуре региона, где «люди просто учились усерднее, работали упорнее и сберегли больше, чем в других странах». По мнению Бартон Биггса, главы отдела глобальных инвестиций в банке «Морган Стэнли», хуацяо являются самой предприимчивой и максимально коммерчески активной публикой среди всех, кто пробует свои силы в

¹ Вербицкий С. Большой Китай и Хуацяо / С. Вербицкий // www.kackad.com/article.asp?article=1188

бизнесе. Именно через них проходят все инвестиции в Азии. Поражает скорость, с какой функционирует коммуникационная сеть компаний, созданных китайскими эмигрантами — клиента мгновенно связывают с любой частью света. Можно внести деньги в ювелирном магазине в Гонконге и взять по выгодному курсу валюту в Хошимине в магазинчике местного китайца. Но главное назначение этой сети — обмен информацией. Особую роль в экспансии этнических китайцев в мировой экономике играет их весьма своеобразная деловая стратегия. Основой этой стратегии являются неформальные связи, построенные исключительно на личном доверии между партнерами. Если в западной традиции оформлять любые сделки в виде контрактов, то китайские предприниматели, напротив, считают документальное оформление сделок между собой совершенно излишним и даже символизирующим недоверие. В результате подавляющее большинство сделок заключается в устной форме. Это позволяет китайскому бизнесу проявлять исключительную оперативность и опережать конкурентов на мировом рынке — что совершенно естественно, если учесть, что международные сделки в их западном понимании требуют взаимных визитов, подписания контрактов, предоставлении банковских гарантий и т.д., а китайским предпринимателям достаточно простой телефонной договоренности. Ставка на неформальные связи имеет еще одну сторону — очевидно, что реальное влияние китайцев в мировой экономике гораздо выше, чем можно судить по официальным данным¹.

В настоящее время исследователи очень озабочены нарастающей мощью китайской нации. По западным оценкам, хуацяо контролируют, по меньшей мере, \$2 триллиона в высоколиквидных активах. В принципе, чрезвычайно большая роль предпринимателей китайского происхождения в экономике многих стран не является чем-то новым. Всегда было очевидным, что китайский бизнес господствует в экономике

¹ Цит. по: Иванов В. Весь мир пока не превратился в Chinatown / В. Иванов // <http://www.kommersant.ru>

большинства стран Восточной и Юго-Восточной Азии — в частности, Индонезии. Однако роль китайского капитала не ограничивается традиционным мелким предпринимательством. Таким образом, в самое ближайшее время он сможет претендовать на ключевую роль в мировой экономике. Дело в том, что сейчас как раз те азиатские страны, где господствуют китайские бизнесмены, отличаются чрезвычайно высокими темпами экономического роста, достигнутыми в основном вследствие быстрого развития промышленного экспорта. В результате именно Юго-Восточная Азия в настоящее время становится крупнейшим в мире источником свободного капитала, готового к инвестированию — причем практически весь он сконцентрирован в руках этнических китайцев. Рассмотрим внедрение этнических китайцев в иностранную экономику на примере Индонезии.

Республика Индонезия появилась в 1945 году, когда была провозглашена независимость Нидерландской Ост-Индии. Голландская колонизация в регионе, начавшаяся в XVII веке и продолжавшаяся до начала XX столетия, охватила огромное пространство, включающее 13 тысяч островов. По данным исследователя И.С. Иванова, в составе молодого государства оказалось около 300 этносов, разговаривающих на почти 370 языках и диалектах. В их число входят и некоренные для Зондского архипелага народы, крупнейший из которых — китайцы (численность, которых на сегодняшний день составляет немногим более 3% населения страны). Федеративное государственное устройство в Индонезии не прижилось, и в 1950 году была принята конституция унитарного государства. До 2000 года страна состояла из 27 провинций (включая Восточный Тимор). Ныне Индонезия делится на 30 провинций и 3 особых района. На протяжении полувека в независимой, светской, многонациональной и поликонфессиональной Индонезии шли процессы национальной интеграции

и формирования общенационального самосознания под лозунгом «Единство в многообразии»¹.

Конец 50-х годов ознаменовался вспышками сепаратизма на окраинах государства и выступлениями исламистов на Яве. Во второй половине 60-х годов в ходе разгрома Коммунистической партии Индонезии были убиты или заключены в концентрационные лагеря не только члены контролируемых компартией вооруженных организаций, но и сотни тысяч этнических китайцев. Армия подстрекала к участию в погромах и убийствах мусульманское население². В этих условиях невозможно было и предположить, что 1966 – 1967 годах антикитайские выступления будут подавляться той же армией или то, что хуацяо в течение следующих 20 лет будут самой процветающей нацией архипелага. В 1970 – 1990-е годы очаг волнений переместился в районы Внешних островов, куда двинулись мигранты из перенаселенной Явы. Там прокатилась волна массовых беспорядков против экономической экспансии острова. Выступления жестко подавлялись армией и полицией, что порождало вспышки ответного насилия.

Несмотря на то, что Индонезия находится за пределами конфуцианского культурного ареала, и традиции, в том числе и трудовые, там совсем иные, чем в странах первого эшелона, при более пристальном рассмотрении выясняется, что и в неконфуцианских государствах Юго-Восточной Азии экономическая инициатива принадлежит представителям конфуцианских культур, в первую очередь местным этническим китайцам. Китайские эмигранты издавна селились в немногочисленных городах и со временем практически монополизировали торговлю (особенно международную), многие виды ремесел и, что особенно важно, финансовую сферу, что в те времена означало в первую очередь ростовщичество. Понятно, что подобная специализация не слишком способствовала их популярности среди местного населения, что неоднократно

¹ Иванов И. С. Индонезия: география нестабильности / И. С. Иванов // <http://www.geo.1september.ru>

² Hassan M. K. Muslim Intellectual Responses to “New Order” Modernization Indonesia / M. K. Hassan. – Kuala Lumpur, 1980

подтверждалось активным участием этого самого населения в китайских погромах. Понятно и то, что в результате в руках китайских иммигрантов оказались те отрасли, которым принадлежало будущее – индустрия и финансы. С первых лет независимости государств Юго-Восточной Азии хуацяо подвергаются там вполне официальной дискриминации – например, при поступлении в вузы или приеме на государственную службу. Многие исследователи решение «китайской проблемы» видели в полной и всепоглощающей ассимиляции этнического народа. Это означало, не только принятие китайцами индонезийских имен, но и полный разрыв нации со своей религией, культурой и традициями. Лишь крайние меры, по мнению ученых, могли способствовать общественному признанию и устранению так называемой дилеммы китайского меньшинства¹. Однако ни дискриминация, ни широко освещенные в СМИ дебаты не подорвали доминирующих позиций этнических китайцев в бизнесе и финансах. Большинство крупных китайских бизнесменов продолжали надеяться, что так или иначе их возросший экономический статус приведет к переменам в социальной сфере, что в свою очередь позволит стабилизироваться межрасовым отношениям в бизнесе. В конце концов, от такого сотрудничества выиграют все². К настоящему моменту, китайские диаспоры в Индонезии контролируют около 73% лизинговых компаний и 9 из 10 крупнейших финансовых групп³.

Вот в каких условиях государство второго эшелона приступило к реализации своей экономической программы. Рост экономики в 70-е годы совпал с формированием нового капиталистического класса, который составляли как китайская диаспора, так и набирающие мощь местные предприниматели. Однако реальную работу делали менеджеры и китайские

¹ Lev D. S. *Becoming an Orang Indonesia Sejati: The political journey of Yap Thiam Hien* / D. S. Lev // *Indonesia*. – 2005 – P. 108

² Shin Y. H. *The role of elites in creating capitalist hegemony in Post-Oil boom in Indonesia* / Y. H. Shin // *Indonesia*. – 2005 – P. 129-130

³ Цит. по: Вербицкий С. *Большой Китай и Хуацяо* / С. Вербицкий // www.kackad.com/article.asp?article=1188

предприниматели, а политическое прикрытие им обеспечивали местные авторитарные режимы. Отношения между властями и предпринимателями были стары как мир: купцы платили правителям мзду, а правители за это давали им заниматься бизнесом. Понятно, что определяющую роль играл при этом доступ к верхам, в первую очередь – к самому правителю и его окружению. Те бизнесмены, у кого такой доступ имелся, могли рассчитывать на то, что именно им достанутся все выгодные заказы и щедро раздаваемые правительством привилегии, а также кредиты правительственных или контролируемых правительствами банков. Большинство компаний, в том числе и самых крупных, являлось семейной собственностью, и семейные кланы неохотно шли на акционирование своих фирм, боясь потерять над ними контроль. Главным источником финансирования бизнес-проектов становился кредит, который при условии хороших отношений с властью было получить легко. Результатом стал громадный рост задолженности.

С другой стороны, далеко не все проекты были оправданы с экономической точки зрения. Часто заводы или небоскребы строились для того, чтобы решить те или иные политические задачи (например, создать рабочие места в родной провинции президента), или из чисто престижных соображений. Еще чаще речь шла о прямой коррупции, которой особенно славилась Индонезия. В различных предприятиях участвовал сам президент, и члены его многочисленного семейства. Всего же клану Сухарто полностью или частично принадлежало 1247 компаний, которые, естественно, пользовались всяческими льготами.

Однако ликование продолжалась недолго. 1997 год стал годом финансовой катастрофы, азиатского кризиса, который в августе добрался и до Индонезии. Курс национальной валюты стал катастрофически снижаться и к концу года упал с 2500 до 7000 рупий за доллар. Более того, в Индонезии экономический кризис вызвал кризис политический. Диктатура генерала Сухарто рухнула в 1998 году, и на смену ей пришла

слабая и раздираемая внутренними склоками гражданская власть. Вдобавок, и сама страна, наспех собранная голландской колониальной администрацией из десятков независимых и весьма непохожих друг на друга государств, оказалась на грани распада. Межэтнические столкновения и китайские погромы происходили почти постоянно¹. В этих условиях правительству не до экономики. Своего апогея ситуация достигла в том же 1998 году, когда в результате погромов погибли тысячи китайских предпринимателей.

Столичные СМИ очень долго обсуждали подробности произошедшего. Две возможных версии погромов этнических китайцев, имевших место в феврале-мае 1998, проиллюстрировала «Джакарта Пост». Первая, которая по понятным причинам не получила одобрения в верхах, связывала имена зачинщиков беспорядков с конкретными личностями в правительстве Сухарто, которое умышленно спровоцировало погромы с целью сосредоточить недовольство масс в безопасном для власти направлении. Вторая вероятная причина крылась в недовольстве наиболее пострадавших от кризиса слоев населения. С одной стороны, социальные низы, или так называемые «масса», недовольные резким повышением цен на продукты, чей протест носил ярко выраженный антикитайский оттенок. С другой стороны, средний класс, в частности студенты, которые выдвигали четко сформулированные уже политические требования, а именно смещение режима Сухарто. Таким образом, участники беспорядков делились на две диаметрально противоположные группы, выдвигающие экономические и политические требования.²

За два дня жестоких погромов тысячи этнических китайцев были убиты, до ста шестидесяти женщин изнасилованы (!), один из «чайнатаунов» Джакарты разорен, более четырех тысяч магазинов и частных владений китайцев были уничто-

¹ См.: Landler M. Indonesia's Ethnic Chinese Feel Their Neighbors' Wrath / M. Landler // New York Times. – 1998. – May 16; Ong Hok Ham. Riwayat Tionghoa Peranakan di Jawa 1958-1960 / Ong Hok Ham. – Komunitas Bambu, 2005

² Turner S. Chinese Indonesians in a rapidly changing nation: Pressures of ethnicity and identity / S. Turner, P. Allen // APV. – 2007. – Vol. 48. – No 1.– P. 116

жены, до сорока торговых центров были сожжены. Последствия описанных событий показали неспособность или нежелание властей должным образом реагировать на беспорядки.

События мая 1998 показали острую необходимость социальных перемен, возможно, поэтому реформы нового правительства были весьма предсказуемы и последовательны:

- правительство Хабиби выпустило декрет, официально запрещающий использование термина «прибуми», который четко разделял население на коренных жителей и приезжих
- правительство Вахида в 2000 года отменило жесточайший запрет 1960 года, касавшийся празднования Китайского Нового года (государственный праздник с 2003 года)
- в этом же году Вахид, отменило запрет на выпуск публикаций на китайском языке
- в 2001 году Вахид принял решение об отмене запрета на использование китайских имен в официальных документах¹
- в завершении намеченного курса Вахид решил успокоить хуацяо и даровать им свободу в выражении религии, обычаев, традиций, без страха быть арестованными: «Я хотел бы предотвратить вмешательство правительства в религиозные вопросы, как показала практика, это создает лишь дополнительные трудности. Пусть каждая конфессия лично занимается заботой о своей вере»²
- более того, официальным декретом школам было разрешено преподавание на китайском языке, в частности на диалекте Мандарин

Празднование Китайского Нового 2005 года прошло без инцидентов, а новый президент Юдойоно повторил, что конституция гарантирует свободу вероисповедания, включая по-

¹ Barton G. Abdurrahman Wahid: Muslim Democrat, Indonesian President / G. Barton. – Sydney, 2002

² Цит. По: Turner S. Chinese Indonesians in a rapidly changing nation: Pressures of ethnicity and identity / S. Turner, P. Allen // APV. – 2007. – Vol. 48. – No 1.– P. 117

следователей конфуцианства. Особо подчеркнул, что таковым не следует даже колебаться в выражении своих религиозных обычаев. Несмотря на это, большинство китайцев по-прежнему скрывали свою истинную религиозную принадлежность. Даже после официального признания конфуцианства в 2006 году, наряду с исламом, католицизмом, протестантизмом, индуизмом и буддизмом, местные власти продолжали ущемлять права этнических китайцев, игнорируя правительственные декреты. Определенно, потребуется много времени, чтобы все произошедшие изменения в законодательстве вступили в полную силу. Вопреки многочисленным попыткам покончить с дискриминацией индонезийских китайцев, около 60 законов и нормативных актов по-прежнему работает против них. Неоднозначность официального «бумажного» статуса китайцев, объясняет их нестабильное положение по сей день¹.

Исследуя проблему массового насилия в Индонезии, многие ученые обращались к истории государства, а именно политическому наследию колониального периода. Именно колониальное прошлое, по мнению исследователя А. Ю. Другова, приводило индонезийцев к убеждению, что сила есть высший аргумент в любом конфликте, а право сильного – выше формального закона. Ухудшение экономического положения, обострение социального неравенства, абсолютное обнищание населения, усугубление земельного голода вели к росту напряженности, не находившей разрешения в рамках официальных институтов. Если к этому добавить этнокультурные, этнопсихологические и религиозные различия, то становится понятным, что через «китайскую проблему» в деформированном, искаженном виде преломляются коренные противоречия индонезийского общества, отнюдь не имеющие этнокультурной и религиозной окраски. Китаец легче всего укладывается в желанную дихотомию «свой – чужой»,

¹ Turner S. Chinese Indonesians in a rapidly changing nation: Pressures of ethnicity and identity / S. Turner, P. Allen // APV. – 2007. – Vol. 48. – No 1. – P. 118

которую ищет простой человек, стремясь уяснить причины своих невзгод¹.

Однако стоит отметить, что обострение религиозных противоречий в последние четыре десятилетия является новым элементом в политической жизни общества. Но не стоит преувеличивать роль конфессионального фактора в постоянных беспорядках, происходящих на территории Индонезии, поскольку лишь в единичных случаях причиной беспорядков становится религиозная нетерпимость. В большинстве своем, предпосылками насилия являются политические и социальные разногласия.

Опыт общественного и политического развития Индонезии в последние десятилетия, так или иначе, свидетельствует о том, что насилие как форма политического и социального волеизъявления низов сохранит свою негативную роль в политическом процессе в Индонезии еще в течении значительного времени. А весьма вероятный возврат к авторитарным методам для успокоения общества может дать некоторые краткосрочные результаты, но, в конечном счете, обернется лишь отложенным и потому еще более разрушительным кризисом.²

Остается лишь поражаться конфуцианскому спокойствию КПК, которая в ряде случаев закрывала глаза на антикитайские демонстрации и погромы в странах АТР, где китайская диаспора отличается многочисленностью и материальным достатком, превосходящим средний по стране. Что касается беспорядков в Индонезии, то официальный Пекин на протяжении нескольких месяцев хранил молчание и только потом высказал индонезийским властям сдержанный протест по поводу гонений на китайскую диаспору. Это создало уверенность индонезийской элиты в том, что КНР в любом случае не планирует использовать этнических китайцев в качестве рычага прямого воздействия на власти Индонезии. Та-

¹ Другов А. Ю. Массовое насилие в Индонезии: социальные, культурные и политические корни / А. Ю. Другов // Восток. – 2000. – № 6. – С. 51-53

² Там же. – С. 59

кой вывод укрепил китайско-индонезийские экономические связи. Однако, по моему мнению, сдержанность и спокойствие китайских властей, да и самих хуацяо, объясняется иначе. Китайским диаспорам нет смысла устраивать беспорядки и наводить хаос и в без того беспокойном индонезийском обществе. Не стоит забывать, что в их руках реальная экономическая власть, а значит и ответные меры должны быть гораздо эффективнее: тихое внедрение в стратегический сектор экономики, финансовый контроль, а потом замещение коренного населения.

А.В. Даркина

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ДЕБАТЫ В США В 1960 – 1970-Е ГОДЫ

Идеи интеграции, взаимного сближения североамериканских наций привлекали американских политиков и исследователей, начиная с того момента, когда в период второй мировой войны Соединенные Штаты порвали с традицией изоляционизма, начав принимать значительное участие не только в международных делах на территории Северной Америки, но и мира в целом. Значительным стимулом к интеграции стало и завершение второй мировой войны, что привело к началу европейской интеграции. На протяжении длительного времени американские политики и исследователи внимательно наблюдали за евроинтеграционными процессами, которые вызывали живой интерес в американском обществе, способствуя развитию дискуссий и споров относительно возможных путей интеграции на региональном, североамериканском, уровне. В этих политических «интеграционных дебатах» принимали участие не только американские политики, но и европейские ученые, имевшие устойчивые связи и контакты с американской университетской средой.

Период 1960 – 1980-х годов стал важным этапом в развитии «интеграционных дебатов». Интеграция воспринималась как одна из форм международного взаимодействия, а сами американские исследователи были далеки от привязки интеграционных процессов в Северной Америке к доктрине американизма и американского изоляционизма, хотя в рамках отечественной американистики до начала 1990-х годов подчеркивалась политическая составляющая идеи американского единства в той версии, которая предлагалась Соединенными Штатами¹. Сами же американские авторы от политической конъюнктуры стремились отстраниться. В частности Й. Галтунг в работе «Теория малых групп и теория международных отношений»² выделял три типа взаимодействия, а именно: «взаимодействие, которое помогает устанавливать формальные статусы, оно встречается наиболее часто. Далее следует взаимодействие, выходящее за рамки формальных статусов. Последний тип представляет собой частично смоделированное взаимодействие, которое не генерализировано, а связано с отдельными людьми, и частично несистематизированное и неинституционализированное взаимодействие»³. Галтунг полагал, что государства обречены на взаимодействие, которое иногда трансформируется в сближение, вызываемое различными причинами: «воздействие, необходимое для того, чтобы вовлечь в сотрудничество другую страну или какого-то члена группы, может подняться на уровень общественного и быть со всеми факторами (неформальным, формальным и структурным) на уровне групп людей. Это зависит от работы внутренних политических структур, особенно от реакции ответственных лиц на общественное мнение»⁴.

¹ Подробнее о развитии идеи американизма см.: Антясов М.В. Панамериканизм: идеология и политика / М.В. Антясов. – М., 1981; Антясов М.В. Современный панамериканизм. Происхождение и сущность доктрины американской солидарности / М.В. Антясов. – М., 1960.

² Galtung J. Small Group Theory and the Theory of International Relations. A Study in isomorphism / J. Galtung // *New Approaches to International Relations* / ed. M. Kaplan. – NY., 1968. – P. 270 – 295.

³ Galtung J. Small Group Theory and the Theory of International Relations. – P. 271.

⁴ Ibid. – P. 286.

По мнению Й. Галтунга коммуникация между государствами может трансформироваться в интеграцию. Интеграция в концепции Й. Галтунга – сложный процесс, в рамках которого обязательно принимают участие центральные и периферийные акторы: «интересен тип интеграции, который создает упомянутый фактор между центром и крайней периферией и может служить объяснением того, почему центр часто не принимает во внимание средние слои и находит лучшую поддержку в преданных частях периферии, которые потом могут быть возведены в более высокий ранг, последствием чего является отдаление средних слоев, а также привнесение некоторой циркуляции и мобильности в систему... крупная держава, руководитель союза могут найти лучшую поддержку в меньших государствах не только потому, что на них легче всего воздействовать, но и из-за указанной простой структурной причины. Примером могут служить отношения США к ряду небольших латиноамериканских стран и к еще меньшим союзникам в рамках НАТО»¹. Анализируя процесс интеграции, Й. Галтунг полагал, что «чем выше ранг, тем лучше взаимодействие... чем равноценнее положения двух групп, тем выше уровень их взаимодействия... взаимодействие чаще всего происходит сверху вниз, нежели наоборот»². В 1960-е годы Й. Галтунг в принципе верно описал отношения между США и Канадой, отразив логику будущей североамериканской интеграции в рамках НАФТА, где роль интегрирующего центра возьмут на себя Соединенные Штаты, не предположив однако того, что лидером интеграции будут во все не США и Канада как национальные государства-акторы, но структуры, связанные с транснациональным бизнесом и международными корпорациями, о чем речь пойдет во второй Главе настоящего диссертационного исследования.

В 1960-е годы активное участие в «интеграционных дебатах» принимал Джон Шварценбергер³, исходной посылкой

¹ Ibid. – P. 287.

² Ibid. – P. 289.

³ Schwarzenberger G. Power Politics. A Study of World Society / G. Schwarzenberger. – L., 1964.

которого было то, что интеграция может быть одним из способов урегулирования международных конфликтов. Д. Шварценбергер полагал, что в процессе выработки и реализации своей внешней политики государства руководствуются тем, что являются самостоятельными акторами: «независимость государств – один из основополагающих принципов международного обычного права. В той мере, в какой осуществление суверенитета государств не ограничивается принципами международного обычного права, международное общество ограждено от вмешательства во внутренние дела государств по какому-либо поводу»¹. Именно обладание атрибутом независимости позволяет акторам (государствам) вступать в отношения друг с другом, среди которых могут быть коалиции и союзы. В этой ситуации интеграция – не только результат сосуществования множества акторов, но и добровольного сотрудничества между ними. Более того, интеграция – почти естественная стратегия сосуществования государств: «в обществе настолько динамичном, как международное государства желают достичь компромисса и добровольно соглашаются на уступки, которые, если следовать принципам справедливости и правосудия, по сути, ожидаются от них»².

Важной вехой в «интеграционных дебатах» стало издание в 1969 году книги Джона Бёртона «Конфликт и коммуникация»³. В концепции Дж. Бёртона интеграция – одна из форм международной коммуникации, способ общения, сотрудничества и взаимодействия между национальными государствами как акторами международных отношений: «между государствами всегда существует коммуникация, даже если это коммуникация, присущая системе государств одного образца: всегда есть взаимозависимость и взаимовлияние, симпатии или антагонизм между подсистемами, или потенциал-

¹ Ibid. – P. 200.

² Ibid. – P. 202.

³ Burton J. Conflict and Communication. The Use of Controlled Communication in International Relations / J. Burton. – L., 1969.

ная возможность такой коммуникации»¹. Джон Бертон, анализируя процесс интеграции как коммуникации полагал, что акторы интеграции могут пребывать на разных уровнях политического и экономического развития («различие между обществами и общностями состоит в уровне и целях коммуникации: в первых она является средством мирного сосуществования, а в последних это ценность сама по себе»²), что может существенно осложнить интеграционный процесс.

С другой стороны, Дж. Бертон указывал на то, что интеграция как коммуникация относится к числу таких международных процессов, которые характеризуются сложным составом участников – не только акторами-государствами, но и различными организациями – научными, корпоративными, неправительственными³. Джон Бертон полагал, что интеграция, как форма межгосударственной коммуникации, будет успешной исключительно в тех случаях, когда сотрудничество между двумя и более государствами-партнерами имеет добровольный характер, а их сближение и сотрудничество развивается управляемо: «необходимость контролируемой коммуникации понятна, если признать, что конфликт интересов является субъективным феноменом, возникающим тогда, когда существуют условия, препятствующие правильному пониманию ценностей и рассмотрению альтернативных средств и целей»⁴.

В первой половине 1970-х годов американские авторы, анализируя проблемы интеграции, сосредотачивали значительное внимание на внешних факторах интеграции. В рамках американского общества дискутировались проблемы, связанные с возможной интеграцией североамериканского пространства. Наиболее актуальными проблемами были вопросы «глобального взаимодействия». В 1972 году Джозеф Най и Роберт Кеохейн высказали мнение, что «многим правительствам будет трудно справиться в одиночку со мно-

¹ Ibid. – P. 48.

² Ibid. – P. 57.

³ Ibid. – P. 58.

⁴ Ibid. – P. 48.

гочисленными аспектами транснациональных отношений в 70-е и последующие годы»¹. Таким образом, не только прогнозировалось что 1970-е и последующие годы станут этапом интеграции, но и предполагалось, что подобное взаимодействие может проявляться в нескольких сферах сотрудничества между государствами, а именно: 1) сообщения, движение информации, включая передачу верований, идей и доктрин; 2) транспорт, передвижение материальных объектов, включая военное снаряжение, частную собственность и товары; 3) финансы, передвижение денег и кредитов; 4) путешествия, передвижение людей².

Эти четыре сферы интеграции, главным образом, связаны с экономическим функционированием государства и международными экономическими отношениями, свободным перемещением товаров и услуг. Примечательно не только почти полное отсутствие политической проблематики, но и то, что после активизации интеграционных процессов в Северной Америке в 1980-е годы США и Канада центральными в своих интеграционных взаимоотношениях сделают именно экономические вопросы.

В 1972 году Джозеф Най и Роберт Кеохейн в значительной степени верно определили особенности североамериканской интеграции и в отличном от Европы составе акторов интеграционных процессов: «транснациональное взаимодействие может обеспечиваться правительствами, но не может осуществляться только правительствами. Неправительственные акторы должны также играть значительную роль. Мы говорим о транснациональной коммуникации, транспорте, финансах, путешествиях, когда мы обращаемся к неправительственному или частично правительственному взаимодействию вне государственных границ. То есть мы называем “транснациональным взаимодействием” движение через государственные границы материальных и нематериальных

¹ Transnational Relations and World Politics / eds. R. Keohane, J. Nye. – Cambridge, 1972. – P. XVIII.

² Transnational Relations and World Politics. – P. XI.

предметов тогда, когда, по крайней мере, один из его акторов не является представителем государства или правительственной организации»¹.

В значительной степени аналогичную точку зрения выражал и Д. Розенау, констатировавший, что «корпорации... во многих государствах преследуют цели, связанные с установлением желаемых моделей поведения за рубежом. Очевидный пример важности этих неправительственных прямых исходных связей – зарубежная деятельность американских корпораций... Международная корпорация, обладающая собственностью в десяти и более государствах, выходит сегодня из-под контроля правительства и имеет такое же отношение к правительствам слаборазвитых стран, какое Американская железнодорожная компания имела к правительствам наших штатов в 1870-е годы. Сравнительное исследование анализ политики ТНК, показывает как ИТТ, Shell, Standard Oil, GM, General Electric влияют на политику стран, где они функционируют. И это приоритетный вопрос любого исследования глобальных взаимосвязей»². Если на территории Европы в качестве инициаторов интеграции выступили национальные государства, что означало их потенциальную готовность в будущем отказаться от части своего национального суверенитета, то в рамках североамериканского проекта интеграции доминировал иной состав участников. Инициаторами интеграции стали транснациональные корпорации, побуждавшие государства к участию в интеграционных процессах. Вероятно, именно более позднее включение государства в интеграцию предопределило то, что оно охотно поступилось экономическими правами, но не проявляет склонности к политической интеграции и созданию транснациональных институтов, опасаясь конкуренции с крупными корпорациями.

С другой стороны, в первой половине 1970-х годов североамериканская интеграция оставалась в первую очередь

¹ Ibid. – P. XII.

² Rosenau J. *Toward the Study of National-International Linkages* / J. Rosenau // *Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and international Systems* / ed. J. Rosenau. - Princeton – NY – L., 1969. – P. 44 – 56.

именно проектом. Поэтому американские авторы под влиянием европейской интеграции, в рамках которой основным актором было государство, активно дискутировали относительно состава возможных акторов интеграции: «государства были и остаются наиболее важными акторами мировой политики, действующими напрямую и через межправительственные организации, в которые входят государства и только государства. Государства фактически монополизировали широкомасштабную организованную силу, которая остается совершенным оружием и потенциальным ресурсом сделок. Таким образом, игнорировать государства лишено смысла»¹.

Не отрицая роли государства как актора в процессах интеграции, американские авторы полагали, что именно США могут возглавить интеграционный процесс в Северной Америке: «у американцев всегда была склонность к транснациональной деятельности. Экономика Соединенных Штатов наиболее модернизирована и является самой крупной в мире. Американские социальные единицы – корпорации, фонды, организации труда и университеты, вовлеченные в транснациональные отношения, нередко оперируют большим годовым бюджетом, чем правительства стран, в которых они действуют... три четверти мультинациональных корпораций и 29 из 32 фондов, имущество которых составляет не менее ста миллионов долларов, были основаны в США»².

Джозеф Най и Роберт Кеохейн подчеркивали, что внешняя среда в значительной степени влияет на внешние политики национальных государств, способствуя в том числе и их интеграции: «с точки зрения государствоцентричности, географический фактор, технологии, а также внутренняя политика являются аспектами “окружающей среды”, в которой взаимодействуют государства. Эти аспекты вносят вклад в межгосударственную систему, но для удобства исследователей они рассматриваются как внесистемные элементы... окружающая межгосударственную политику, включает в себя

¹ Transnational Relations and World Politics. – P. XXII.

² Transnational Relations and World Politics. – P. XXVI.

не только эти могущественные и широко известные силы»¹. Географические и политические факторы, как полагали американские авторы, способствуют интеграционным процессам, а современный мир демонстрирует различные проявления интеграционного опыта: «нас интересует все разнообразие транснационального феномена: мультинациональные предприятия и революционные движения; профсоюзы и объединения ученых; международные картели воздушного транспорта и космические коммуникационные системы»². По мнению американских участников «интеграционных дебатов» возможность интеграции на подобном уровне свидетельствовала о потенциально возможной интеграции и между североамериканскими государствами.

Следует выделить несколько наиболее важных особенностей «интеграционных дебатов» в Соединенных Штатах в 1960 – 1970-е годы. Стимулом к обсуждению в рамках американского общества, вероятно, были интеграционные процессы на территории Европы. Анализируя европейский интеграционный опыт, американские авторы предпринимали попытку перенести его на североамериканскую почву. Автоматическая трансплантация европейского опыта оказалась невозможной в виду значительной специфики региона Северной Америки. Тем не менее, в рамках «интеграционных дебатов» американские авторы на протяжении 1960 – 1970-х годов высказывали предположения, что интеграция может быть преимущественно экономической, стимулироваться транснациональными корпорациями, а национальные государства предпочтут экономическую интеграцию созданию транснациональных политических институтов. В 1980 – 2000-е годы североамериканские государства предприняли в рамках НАФТА попытку реализовать эти теоретические построения.

¹ Ibid. – P. IX.

² Ibid. – P. X.

Ю.А. Горлова

ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ

Китайская тема, стимулированная «рывком» Поднебесной на протяжении последних десятилетий – одна из преобладающих в американской политологии. Со второй половины 1990-х годов поток американских изданий по современным проблемам Китая и отношениям в регионе увеличивается почти в геометрической прогрессии. Авторы одних рассматривают эту азиатскую страну как новую супердержаву XXI века. Другие же считают, что Китай ждет экономическая дестабилизация, расчленение страны на отдельные регионы, этнические войны. Огромный диапазон в оценке будущего Китая говорит о том, что события, происходящие в этой стране, настолько неоднозначны и противоречивы, что дают почву для самых различных прогнозов. Тем не менее, Китай уже утвердил себя в качестве одного из важнейших центров силы, во многом определяющих современную геополитическую ситуацию и её эволюцию в ближайшем и отдалённом будущем.

Сегодняшний Китай – страна с динамично развивающейся экономикой, высокими темпами роста ВВП, страна, куда стекаются иностранные инвестиции. Китайская промышленность быстро модернизируется, не прекращается научно-технический прогресс, развиваются образование и наука (объёмы вложений в эти отрасли превышают соответствующие вложения в США). Осуществляется переход к производству и экспорту товаров высоких технологий, создаются новые производства, объём китайского экспорта необычайно велик, китайские товары завоёвывают мировые рынки. За последние два десятилетия китайская экономика возросла в пять раз, а доходы населения в четыре раза. Валовой национальный продукт этой страны достиг американского уровня и, по подсчётам Мирового банка, в 2010 г. выйдет на

первое место в мире. Прирост производства не опускается ниже 7% в год. Вместе с тем, возрастает военная мощь Китая, происходит стремительная модернизация его армии и флота.

Китайское руководство считает развитие вооружённых сил страны одним из главных приоритетов своей политики. Народно-освободительная армия Китая – самая многочисленная в мире; вместе с этим она – одна из самых передовых в техническом отношении армий и один из главных инструментов внешней и внутренней китайской политики. Опираясь на всё возрастающую военную мощь, китайское руководство намерено не только решать свои региональные и глобальные внешнеполитические задачи, но и обеспечивать стабильность в стране. Всё это, несомненно, отражает растущие опасения американских политиков и политологов по поводу КНР.

Оценки, к которым приходят авторы довольно разнятся. Некоторые из них более сдержаны, как например, доклад независимой группы экспертов во главе с А. Сиджеллом, который заключается в том, что, несмотря на планомерный курс военной модернизации, Китай, по крайней мере, на два десятилетия отстает от Соединенных Штатов по технологии и боеспособности. Более того, авторы доклада постулируют: КНР является «региональной державой», и они не предвидят превращения Китая в глобально ориентированную военную державу в ближайшие два десятилетия. Таким образом, авторы публикации расходятся с распространенными в США взглядами о форсированной военной модернизации КНР, направленной преимущественно против Америки, целенаправленной программе технологического шпионажа и других китайских «грехах» в военной области¹.

Обращаясь к теме реальных военных расходов КНР, эксперты отмечают, что различные методики оценивают разницу между реальными и официальными цифрами от 2 до 12

¹ Браун Г. Военный потенциал Китая. Доклад независимой группы экспертов. Проект Совета по международным отношениям. / Г. Браун, Дж. Прюэр, А. Сиджелл. – Нью-Йорк: Совет по международным отношениям, 2003. – С. 93

раз. Согласно оценке доклада, это превышение составляет 2-3 раза, что означает сумму в диапазоне 44-67 млрд. долларов. Фигурирующие же в некоторых изданиях США оценки реальных военных расходов КНР в 80 млрд. долларов и выше ориентируются, по мнению экспертов, на спорные методики, что приводит к крайне неточным сведениям (официальная цифра военных расходов КНР по данным на 2003 год – 185,3 млрд. юаней, что составляет 22,4 млрд. долларов). Китай, по их мнению, стремится преодолеть слабости своей технологической базы с помощью закупок вооружений за рубежом, и роль ключевого донора для него играет Россия. Последняя ведет рациональную экспортную стратегию в отношении КНР. Не предоставляя ему «прорывных» образцов оружия, она внимательно следит за тем, чтобы Пекин не сильно совершенствовал за ее счет собственную базу военного производства. Примером может служить лицензированная сборка некоторого количества Су-27 в КНР. Только 10% комплектующих этих истребителей производятся в КНР. Основная их масса, включая фюзеляжи, двигатели, бортовую электронику, производится в России.

Следует отметить, что в американской практике можно услышать критику даже в адрес президента касательно «китайского вопроса». Так, экс-заместитель госсекретаря США Ричард Армитидж дал интервью австралийской прессе, резко негативно оценив внешнюю политику Джорджа Буша: *«Если внешняя политика США не изменится, то Китай целиком захватит лидерство в азиатском регионе и отодвинет Соединенные Штаты с авансены на второй план»*. По мнению Армитиджа, в международных делах Буш сосредоточил все свое внимание исключительно на Ираке. Поэтому он поступает «недальновидно», так как совершенно не замечает страны Азии, и, прежде всего Китай, который ежедневно наращивает свою политическую мощь, достигая небывалых высот в экономике. Армитидж утверждает, что если внешняя политика США не изменится, то Китай целиком захватит лидерство в азиатском регионе и отодвинет Соединенные Шта-

ты с авансены на второй план. Чтобы не терять статус лидера, Вашингтон обязан что-нибудь предпринять. «США обязаны незамедлительно сделать все возможные шаги, чтобы вернуться в этот регион. Однако, к сожалению, мы буквально поглощены Ираком». Свои слова бывший заместитель госсекретаря США подкрепил собственными наблюдениями. По его мнению, о пренебрежении азиатским направлением внешней политики говорит деятельность нынешней руководительницы Госдепа Кондолизы Райс. Она не присутствовала на двух из трех последних саммитах Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)¹.

Многие американские политологи также разделились в оценке китайского фактора во внешней политике Соединённых Штатов. Например, по мнению Збигнева Бжезинского распад Советского Союза привёл к тому, что азиатский регион стал крайне нестабильным. СССР уступил свои позиции Китаю. В свою очередь, усиление Китая не может не вызывать роста американской озабоченности. Бжезинский полагает, что Америка может столкнуться с серьёзными политическими вызовами, которые могут исходить от Китая. Комментируя китайский фактор в современной политике, Бжезинский указывает на то, что Китай за последние десятилетия стал не просто динамично развивающейся, но и агрессивно развивающейся страной: «... Китай – это большой вызов. Прежде всего, в геополитическом смысле, потому что это альтернатива Америке на роль сверхдержавы через 20 или 30 лет. Особенно, если в течение этого времени Америка будет ослаблять к себе доверие и свою руководящую роль в мире так же, как это делает сегодня Буш. Надеюсь, что Америка прекратит так поступать. И тогда Китай не сможет в столь короткий срок стать реальным соперником для США...»².

Несколько иную позицию занимает известный американский аналитик Томас Грэхем: «...одно совершенно очевидно

¹ Резчиков А. Америка упустила Китай / А. Резчиков // Взгляд. – 2007. – 3 сентября.

² Цит. по: Кирчанов М. В. Формирование внешнеполитических доктрин США / М. В. Кирчанов. – Воронеж, 2007 – С. 63

– стабильность в Тихоокеанском регионе окажется под угрозой, если присутствие России в Азии будет и далее ослабевать. Долгосрочные стратегические интересы США... заключаются в сильной и процветающей России в Восточной Азии»¹. Другой, не менее известный американский политолог Джозеф Най, описывая своё отношение к Китаю, признает, что среди американских политиков и исследователей единой точки зрения в отношении Китая и перспектив сотрудничества с ним нет: «...все согласны с тем, что возвышение Китая является одним из преобразовательных изменений нынешнего столетия, но Вашингтон разделён на «китаелюбов», которые это приветствуют и «китайских ястребов», которые бьют тревогу...»².

Анализируя проблемы китайского фактора, Дж. Най указывает на то, что его оппоненты не совсем знают то, о чём пишут. По словам Ная, американские крайне правые видят в Китае азиатскую диктатуру, которая в силу случайного стечения обстоятельств в конце XX века стала составлять конкуренцию США. Най, наоборот считает, что в этом нет ничего случайного: «...на деле «взлёт Китая» – плохая формулировка. «Новое поколение» звучит лучше, поскольку по своим масштабам по своей истории срединная империя издавна является одной из азиатских держав. По техническим и экономическим показателям Китай был мировым лидером между 500 и 1500 годами. Лишь во второй половине тысячелетия Европа и Америка обошли Китай...».

Дж. Най полагает, что к 2025 году Китай, Япония и Индия восстановят свои исторические позиции, подорванные эпохой колониализма. Вместе с тем Дж. Най указывает на то, что современный динамично развивающийся Китай – не просто экономически опасный конкурент, это и страна со значительными авторитарными тенденциями, далёкая от политической стабильности. Но демократия – политический идеал, к

¹ Цит. по: Менгес К. Китай: нарастающая угроза / пер. с англ. А. Г. Булычева – М., 2006. – С. 17

² Цит. по: Кирчанов М. В. Формирование внешнеполитических... – С. 140

которому надо стремиться. Най этого не отрицает. Однако, серьёзное обострение отношений между США и КНР с точки зрения Джозефа Ная маловероятно. Причина – развитые экономические связи: «...Китай сегодня является нашим третьим по величине торговым партнёром и вторым крупнейшим официальным кредитором. Критики считают, что торговля с Китаем сделала нас уязвимыми. Китай мог бы причинить нам вред, избавившись от своих долларовых запасов, но если он так поступит, то одновременно подорвёт собственную экономику...»¹.

Если полагаться на различные мнения, волна страхов перед Китаем в США либо возрастает, либо спадает, либо перестаёт быть такой всеобщей. Появление новой супердержавы в Азии рассматривается многими политиками и политологами как вызов и угроза американским интересам в азиатско-тихоокеанском регионе. В последние годы в США было опубликовано несколько книг, ставших бестселлерами, сюжет которых основан на гипотетической войне с Китаем, якобы спровоцированной китайской агрессией против Тайваня. С другой стороны, все большую силу набирает точка зрения, согласно которой Вашингтон должен поддерживать те силы в Китае, которые добиваются трансформации коммунистического режима и вовлечения Китая в мировое политическое и экономическое сообщество. Сторонники этой точки зрения считают, что США должны рассматривать Китай не как потенциального противника, а как партнера, и, следовательно, позволить ему играть более активную роль в развитии и стабилизации азиатского континента. Позитивная реакция китайского руководства на призыв президента Буша о необходимости совместной борьбы с терроризмом свидетельствует о том, что сделан важный шаг в поисках взаимопонимания между двумя государствами. Однако в обозримом будущем нельзя исключить и соперничества, возможно, даже острой борьбы между Китаем и Соединёнными Штатами за влияние в азиатском регионе.

¹ Кирчанов М. В. Формирование внешнеполитических... – С. 141

А.А. Шаповалов

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ
Р. РЕЙГАНА (1981 – 1989 гг.)

Нестабильная внутренняя ситуация, высокая инфляция и ухудшение качества жизни в Соединенных Штатах во время 4-летнего президентства Д. Картера привели к тому, что на очередных президентских выборах 4 ноября 1980 г. к победе пришла республиканская администрация Рональда Рейгана. Придя к власти с уверенным преимуществом (50,7% против 41% у Картера), Рейган оценил действия своих предшественников как неудовлетворительные и даже провальные. Администрация Р. Рейгана находилась у власти в Белом доме до 1989 г., осуществив ряд важнейших преобразований во внутренней и внешней политике. В качестве краеугольного камня внешнеполитической деятельности 40-го президента США следует признать следующее его высказывание: «Эра сомнений в себе окончена. Американцы снова желают быть первыми, мы действуем с целью восстановить уверенность в американском руководстве посредством более энергичной защиты американских идеалов и интересов»¹.

В своей инаугурационной речи Рейган определил главную американскую внешнеполитическую задачу так: «быть величайшей силой, действующей в пользу мира во всех местах нашей планеты, поскольку Соединенные Штаты являются мировым лидером сил добра в борьбе против сил зла»². Подобная риторика во внешней политике требовала беспрецедентного увеличения ассигнований на нужды военно-промышленного комплекса (МИС – Military Industrial Complex), следствием чего явилось более чем двукратное увеличение военных расходов: со 134 млрд. дол. в 1980 г. до

¹ Zinn H. Postwar America: 1945-1971 / H. Zinn. – Indianapolis, 1973. – P. 443.

² Kissinger H. Troubled Partnership / H. Kissinger. – NY., 1998. – P. 259.

291 млрд. к концу президентства Рейгана¹. Успех политики Рейгана объяснялся и стабильно высокими экономическими показателями. Поражает сравнение некоторых статистических данных. «Если в 1942 г. национальное богатство США составляло 0,5 триллиона долларов, то в 1982 год – уже 12,5 триллиона долларов. Валовой национальный продукт к 1945 год равнялся 211,9 миллиарда долларов, но в 1984 год – уже 3645,0 миллиарда долларов»².

Что касается европейского направления деятельности Государственного департамента, то здесь произошли отклонения от традиционной линии. Интеграционная тематика, так горячо поддерживаемая предыдущими администрациями, отошла на второй план, уступив место определению степени лояльности государств Западной Европы инициативам и требованиям Вашингтона, которые порой высказывались в крайне жесткой форме. Для Рейгана, безусловно, не существовало вариантов равноправного сотрудничества по трансатлантическому направлению или в рамках трехстороннего сотрудничества (Вашингтон–Брюссель–Токио). Согласно настроениям правящей элиты США внешнеполитическая практика Госдепартамента должна была исходить из постулата о том, «что хорошо для Америки, то хорошо для всего остального мира»³. Все мало-мальски важные решения, носящие обязательный для исполнения характер в ЕС, должны были приниматься и одобряться в Вашингтоне.

Тем не менее, постоянные консультационные встречи трансатлантических партнеров на самом высшем уровне проводились с завидной регулярностью. 1981 г. – встреча «большой семерки» в Оттаве (Канада), 1982 г. – собрание представителей G-7 в Версале (Франция), 1983 г. – заседание глав правительств западных капиталистических государств в

¹ Ibid. – P. 261.

² Лютых А.А. Тонких В.А. Внешняя политика США: от Трумэна до Буша-мл / А.А. Лютых, В.А. Тонких. – Воронеж, 2008. – С. 301.

³ Kissinger H. Troubled Partnership. – P. 260.

Вильямсберге (США)¹. Кроме того, с сентября 1982 г. начали на нерегулярной основе проводиться американско-европейские совещания по линии Европейского Политического Сотрудничества (ЕПС)². Со стороны ЕС в них участвовала тройка министров иностранных дел: нынешней страны-председателя ЕС, ее предшественницы в минувшем полугодии и ее преемницы в следующем полугодии. От Соединенных Штатов в данных совещаниях участвовали представители Госдепартамента.

С помощью указанных выше институтов на регулярных встречах американские представители уверяли в оказании поддержки всем европейским инициативам, подписывались совместные декларации и коммюнике по целому спектру наиболее злободневных вопросов, демонстрировали единение и равноправие в трансатлантических отношениях. На деле все эти соглашения и показная солидарность для Рейгана не значили ровным счетом ничего, поскольку он только прощупывал почву для дальнейшего более жесткого европейского курса, не сомневаясь в необходимости руководящей роли Вашингтона для поддержания стабильности и безопасности в регионе. Он не собирался обсуждать внешнеполитические проблемы со своими европейскими партнерами, консультируясь и советуясь с ними перед принятием важных решений; он намеревался диктовать им свои условия и правила игры, не заботясь об их мнении. И данную схему взаимодействия Рейган опробовал в 1981 г. В это время по решению Москвы в Польше было введено военное положение для пресечения антиправительственной деятельности политического движения «Солидарность» во главе с Л. Валенсой.

Соединенные Штаты наложили экономические санкции и объявили эмбарго Советскому Союзу и призвали западноевропейские страны последовать их примеру. Однако ограничение торговли с СССР было невыгодно европейским стра-

¹ Lundestad G. "Empire" by integration: the United States and European integration, 1945-1997 / G. Lundestad. – Oxford, 1998. – P. 175.

² Европа: вчера, сегодня, завтра / ред. Н.П.Шмелев. – М., 2002. – С. 346.

нам, поэтому, нехотя повинувшись воле Вашингтона, ЕС понизил импорт советских товаров на символическую сумму около 100 миллионов долларов¹. Было оформлено совместное заявление европейских лидеров, в котором они ставили под сомнение действенность торговых санкций и эмбарго, а также предлагали ряд других мер, способных ослабить влияние СССР в Восточной Европе, но не ударяющих по экономическим перспективам западноевропейских стран. Из Вашингтона последовал гневный ответ о недопустимости сомнений в правильности советов американского руководства². Ослушаться хозяев из Вашингтона не смел никто, поэтому не вызвало удивление размещение 14 ноября 1983 г. американских ядерных ракет «Томагавк» в Великобритании, а через несколько дней баллистических ракет «Першинг-2» в ФРГ, которые могли поразить цели в СССР уже через 8-10 минут после запуска³. Это были волевые шаги США для создания решающего преимущества над СССР в Старом свете. «Холодная война» и борьба за влияние в мире между Вашингтоном и Москвой подходила к логическому завершению, опьяняя дурманом победы политическую элиту США.

Между тем случались и акты неповиновения со стороны европейских государств. Например, в 1981 г. между Европейским Сообществом и Советским Союзом было достигнуто соглашение о строительстве газопровода, по которому природный газ должен был поступать из Западной Сибири в Старый свет⁴. Это вызвало шквал негодования в Вашингтоне, т.к. по мнению большинства представителей американского истеблишмента, выручку от данного проекта Москва могла направить на гонку вооружений и создание военного паритета с Соединенными Штатами. Страны ЕС отказались денонсировать соглашение с СССР по требованию Рейгана и обвинили Вашингтон в прямом вмешательстве в их внутренние

¹ США – Западная Европа и проблема разрядки / ред. Ю.П. Давыдов. – М., 2006. – С. 151.

² Lundestad G. “Empire” by integration: the United States... – P. 177.

³ Лундестаг Г. Восток, Запад, Север, Юг: Основные направления международной политики 1945 – 1996 гг. – М.: Весь мир, 2002. – С. 266.

⁴ Zinn H. Postwar America: 1945-1971. – P. 450.

дела и нарушении их суверенитета. Соединенным Штатам пришлось остудить свой пыл и с явным неудовольствием согласиться со строительством газопровода¹.

Кроме того для укрепления позиций европейских стран в противостоянии с Соединенными Штатами в июне 1984 г. состоялось совещание министров обороны стран-участниц Западноевропейского Союза (ЗЕС). Подобные встречи не проводились к тому моменту 11 лет и были реанимированы с целью как можно лучше использовать структуру Западноевропейского Союза для усиления сотрудничества в сфере безопасности и достижения единства по спорным вопросам без оглядки на указания, поступающие с другого берега Атлантики². Из Вашингтона слышались голоса о нежелательности активизации процесса развития ЗЕС в ущерб деятельности НАТО, дабы не потерять контроль над европейскими вооруженными силами.

Между тем ширился процесс европейской интеграции. В 1981 г. в ЕС была принята Греция, а в 1986 г. – Португалия и Испания. В феврале 1986 г. в Люксембурге на заседании глав государств-членов ЕС было подписано соглашение о принятии Единого Европейского Акта (Single European Act), во многом заменявшего Римские соглашения 1957 г. Это соглашение регулировало все сферы сотрудничества в Старом свете, ставились конкретные задачи по ускорению и углублению процессов евроинтеграции. Например, велась речь о завершении к 1992 г. создания Общего рынка, лишеного всех внутренних препятствий для свободного перемещения капиталов, товаров, услуг, рабочей силы и т.д. Для плавной и безоблачной консолидации усилий европейских стран по созданию Общего рынка планировалось ускорить темпы экономического роста в Старом свете до 3% ежегодно в каждой стране, ставились целью увеличение занятости населения и ликвидация безработицы, значительное повышение внешних пошлин на ввоз товаров извне и, наоборот, резкое снижение

¹ Ibid. – P. 451.

² Lundestad G. “Empire” by integration... – P. 181.

внутренних барьеров¹. Уже в тот момент говорилось о необходимости создания единой европейской валюты, что стало очевидным на Ганноверской встрече ЕС в верхах в июне 1988, когда группа представителей центральных европейских банков и независимых экспертов под руководством Жака Делора подготовила специальный план создания валютного союза.

«План Делора» содержал развернутую программу трехэтапного перехода стран ЕС к единой валюте². 17 января 1984 г. в Стокгольме состоялась знаковая Конференция СБСЕ по укреплению доверия в Европе. Основным достижением этой конференции стало принятие набора взаимодополняющих мер укрепления доверия и безопасности. Документ Стокгольмской конференции — это политически значительное достижение, а содержащиеся в нем меры — важный шаг в усилиях, направленных на уменьшение опасности военного противостояния в Европе³. Все эти инициативы значительно усиливали самостоятельность европейских государств в принятии политических решений, что не могло не беспокоить Госдепартамент. Ответные меры со стороны Вашингтона не заставили себя долго ждать.

Провозглашение 6 февраля 1985 года «доктрины Рейгана», или, как она была позднее переименована, доктрины «неоглобализма», стало качественно новым этапом во внешней политике Вашингтона. Президент США открыто заявил, что будет поддерживать те страны, правительства которых выступают против СССР и его сателлитов левой и социалистической ориентации. Разумеется, истинные цели были завуалированы под мессианской благородной риторикой: «В ходе нашей истории мы неоднократно помогали всем в мире, кто боролся за свободу, демократию, независимость и освобождение от тирании. Поворачиваться к кому-то спиной

¹ Европа: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. Н.П.Шмелев. — М., 2002. — С. 348.

² Walker M. The Euro. Why it is bad for the Dollar but good for America? / M. Walker // World Policy Journal. — 1998. — No 3. — P. 79.

³ США и общеевропейский процесс / отв. ред. Ю.П. Давыдов. — М., 1989. — С. 99.

не в американской традиции»¹. О необходимости получения разрешения на оказание подобной помощи со стороны стран, так остро, по мнению Вашингтона, в поддержке нуждавшихся, президент тактично умолчал. Не в последнюю очередь эта позиция касалась европейских стран (в основном стран Восточной Европы, где с ослаблением влияния Москвы образовывался значительный вакуум силы), хотя основной акцент переносился на борьбу с СССР в странах третьего мира. США активно поддерживали диссидентов, выступавших против авторитарных и тоталитарных режимов по всему миру. Результатом стал приход многих из них к власти, например, в Южной Корее, Тайване, Чехии, Польше и так далее.

Вместе с тем во второй половине 80-х гг. XX века - в последние годы президентства Рейгана - в американо-европейских отношениях наметился очевидный позитивный сдвиг. Наиболее отчетливо он проявился в экономической сфере, где в это время стартовал «уругвайский раунд» переговоров (1986 – 1993 гг.), суливший новое снижение торговых барьеров, а также выработку генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ)². Важным фактором нормализации трансатлантических отношений стала возможность завершения «холодной войны» с приходом к власти в Кремле сторонников реформ во главе с М. Горбачевым. Устранение угрозы распространения советского влияния в Старом свете смягчила позицию Вашингтона по ряду самостоятельных шагов Брюсселя.

Политика администрации Рейгана в отношении европейских стран исходила исключительно из приоритетов и интересов Вашингтона. Для команды 40-го президента США доминирующая роль Америки в трансатлантическом взаимодействии не была предметом дискуссий, а носила априорный характер. Основную свою задачу на этот период Рейган видел в полной деморализации Советского Союза, а потому

¹ Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789 – 2001 гг.). – М., 2001. – С. 459.

² Пороховский А.А. Экономика США и мирохозяйственные процессы / А.А. Пороховский // США и Канада. – 1999. – № 10. – С. 59.

можно с уверенностью говорить о том, что Рейган без колебаний сделал Европу заложником противостояния США и СССР. Навязывая свою волю европейским союзникам, Вашингтон все более натывался на противодействие. Однако чем слабее становились позиции Москвы в регионе, тем меньшее беспокойство в Новом свете вызывали самостоятельные шаги Брюсселя. Тем более, что перегрев экономики США ощущался все заметнее. В октябре 1987 экономику потряс крупнейший кризис фондового рынка. Однако монетарные институты США, поддержанные иностранными центральными банками, ответили на этот вызов предоставлением достаточно весомых кредитов для поддержания экономического роста в стране до президентских выборов 1988, на которых победил преемник Рейгана – Дж. Буш-старший. Этот факт свидетельствует об одобрении большинством американцев курса, проводимого в жизнь 40 президентом США.

М.В. Кирчанов

НАЦИИ VS КЛАССЫ:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СФЕРА ДОМИНИ-
РОВАНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ
(1950 – 1970-е гг.)

Нередко в роли популяризаторов истории народов Средней Азии выступали русские исследователи¹, которые фактически являлись национальными культуртрегерами, создавшими не только истории республик, но и способствуя появлению национальных интеллигенций. Русские исследователи в Центральной Азии внесли и определенный вклад в развитие местного националистического воображения, намеренно

¹ См. например: Пугаченкова Г.А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских территориях / Г.А. Пугаченкова // Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. – Ташкент, 1950. – Т. 2. – С. 8 – 57.

фрагментируя пространство, вычлняя из исторического прошлого региона национальные (узбекские, туркменские, таджикские) исторические тренды¹. С другой стороны, национальная интеллигенция была более активна в формировании неприятного образа российской политики в Средней Азии. Например, туркменский исследователь К.М. Кулиев культивировал нарратив, согласно которому «царские колонизаторы, осуществляя политику национального угнетения, намеренно тормозили развитие национальной государственности, экономики и культуры»². В то время когда русские авторы обходили вниманием негативные стороны политики Российской Империи, предпочитая писать о прогрессивном влиянии русского революционного движения на Среднюю Азию³, местные историки настаивали на том, что действия российской администрации являлись «реакционными и черносотенными»⁴. Подобные нарративы, характерные для научного языка туркменских, узбекских и таджикских интеллектуалов, сви-

¹ Мошкова В.Г. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен / В.Г. Мошкова // Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. – Ташкент, 1950. – Т. 2. – С. 135 – 158.

² Кулиев К.М. Национальная политика Коммунистической партии в Средней Азии в годы гражданской войны и иностранной интервенции / К.М. Кулиев // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1956. – Вып. 1. – С. 7 – 40. См. также: Киселев Д.С. Образование и развитие национальной государственности туркменского народа / Д.С. Киселев // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1957. – Вып. 3. – С. 44 – 102.

³ Эта тема принадлежала к числу наиболее политически востребованных в советский период. См.: Тарасов Ю.М. Революционное движение в Туркменистане в 1905 – 1907 гг. / Ю.М. Тарасов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1958. – Вып. 4. – С. 5 – 27; Аннанепесов М. Социал-демократическая пропаганда и агитация среди солдат в гарнизонах Туркмении в период революции 1905 – 1907 гг. / М. Аннанепесов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1958. – Вып. 4. – С. 28 – 47; Акопов Г.Б. Некоторые вопросы влияния русской революции 1905 – 1907 гг. на революционное движение народов Востока / Г.Б. Акопов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1958. – Вып. 4. – С. 69 – 87.

⁴ Кулиев К.М. Национальная политика... – С. 9.

детельствуют о том, что историографии в союзных республиках не были свободны от национальных противоречий, используя интеллектуалами как механизм для формирования и транслирования национальных мифов. В этом контексте национальная историография играла роль мощного катализатора для развития и консолидации национальных идентичностей в условиях невозможности реализации идентичностных проектов в политической сфере.

В некоторых случаях местные истории почти смаковали осталось своих республик в прошлом, видя в этом их историческую уникальность и национальную специфику. Например, Ш. Юсупов в 1964 году, описывая историю Кулябского бегства, подчеркивал, что «в Восточной Бухаре никаких демократических выборов не было и быть не могло»¹. Отсталость воспринималась как проявление местной специфики: «в начале XX века в Кулябском бегстве господствовал феодальный способ производства»². Подобное воспевание отсталости, более того – собственной отсталости в прошлом, было одной из форм бытования советского колониализма на национальном уровне. Нельзя исключать, что подобные нарративы были проявлением желания колонизированных поставить под сомнение право колонизаторов, подчеркнув чуждость принесенных ими порядков и, хотя никто из среднеазиатских историков в советский период не решался открыто идеализировать прошлое, тем не менее подобные нарративы мы можем рассматривать как проявление колониальной идентичности, подвергнутой колонизаторами (советскими идеологами) некоторой трансформации.

Национальные истории республик Средней Азии в значительной степени были интегрированы в советский исторический канон. Поэтому местные интеллектуалы были вынуж-

¹ Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бегства в конце XIX и начале XX века / Ш. Юсупов. – Душанбе, 1964. – С. 45.

² Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бегства... – С. 46. См. также близкую по общему интеллектуальному настрою работу Б.И. Искандарова, опубликованную в 1962 году. См.: Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX века / Б.И. Искандаров. – Душанбе, 1962.

дены описывать национальные истории согласно тем требованиям, которые предъявляла им советская политическая идеология. В этой ситуации особое внимание уделялось проблемам социальной и экономической истории, истории революционного движения и коммунистической партии. С этими сюжетами были связаны и русские нарративы: интеллектуалы в национальных республиках вынужденно подчеркивали прогрессивный характер русского влияния. Нередко подобные идеологически выверенные работы писались авторами русского и украинского происхождения, которые проживали в Средней Азии, играя роль своеобразных наставников для местных интеллектуалов. С другой стороны, следует принимать во внимание и то, что условно «русские» авторы не только создавали границы интеллектуального пространства, но и сами были вынуждены ретранслировать в Средней Азии тот в значительной степени идеологически выверенный нарратив, который предлагался партийными теоретиками в РСФСР.

Среди таких работ следует упомянуть исследование И.А. Стеценко, посвященное развитию народных движений в Таджикистане. Перед И.А. Стеценко стояла крайне сложная задача – совместить в национальной республике национальные интересы и чаяния местных элит с жесткой и идеологической схемой советского написания истории. Поэтому на страницах публикации 1963 года соседствуют констатации не только того, что «политика царизма» не соответствовала интересам таджиков, но и частые упоминания прогрессивного влияния «русского пролетариата»¹ на угнетенные таджикские массы. Не представляла исключения и туркменская историография. Туркменские историки констатировали тяжесть цар-

¹ Стеценко И.А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX века (1870 – 1917 гг.) / И.А. Стеценко. – Душанбе, 1963. – С. 3 (книга, изданная на русском языке, имела и титульный лист на таджикском: Стеценко И.А. Аз таърихи харакатҳои халқӣ дар Тоҷикистон дар нимаи дувуми асри XIX ва ибтидои асри XX (1870 – 1917 с.) / И.А. Стеценко. – Душанбе, 1963).

ского гнета, с одной стороны, указывая на прогрессивность русского влияния, с другой¹.

В рамках столь жесткой идеологической схемы все проявления народного протеста и недовольства однозначно оценивались как периодические «обострения классовой борьбы»², а сама история Таджикистана подвергалась значительной модернизации: советские интеллектуалы мучительно искали в периферийном и преимущественно традиционном регионе Российской Империи местные ростки капитализма и классового сознания формирующегося пролетариата³. И хотя советские историки осуждали политику России в сфере завоевания новых территорий, тем не менее И.А. Стеценко настаивал, что присоединение таджикских земель в России имело положительное значение, так как позволило... проникнуть в регион «социал-демократическим идеям»⁴. Для советской идеологически выдержанной и выверенной модели описания истории Таджикистана был характерен своеобразный примордиализм: почти все народные движения рассматривались как прелюдия к... коммунистическому движению.

Это способствовало значительной идеологизации языка научного сообщества в Средней Азии. Научные тексты, создаваемые интеллектуалами в республиках Средней Азии, были переполнены идеологическими формулами, призванными подчеркнуть лояльность режиму. Например, одна из работ туркменского историка К.М. Кулиева, опубликованная в 1956 году, открывалась ритуальной фразой о том, что «народы Средней Азии, в прошлом страдавшие под тяжелым гнетом царских и местных эксплуататоров, за годы советской власти, под руководством Коммунистической партии, опираясь на братскую помощь великого русского народа, добились значительных успехов в построении социализма и строительстве национально-советской государственности»⁵. Исследователь

¹ Кулиев К.М. Национальная политика Коммунистической партии... – С. 8.

² Стеценко И.А. Из истории народных движений в Таджикистане. – С. 4.

³ Там же. – С. 72 – 78.

⁴ Там же. – С. 94.

⁵ Кулиев К.М. Национальная политика... – С. 7.

из Таджикской ССР И.А. Стеценко писал, что благодаря опыту борьбы (почти революционной), накопленной в ходе народных восстаний «таджикский народ под руководством русского пролетариата во главе с Коммунистической партии сверг своих угнетателей и установил на территории Таджикистана подлинно народную – Советскую власть»¹.

С другой стороны, советские историки предпочитали обходить вопрос о том, кто являлся потребителем подобных теорий в... Бухарском эмирате. Туркменский исследователь К.М. Кулиев в первой половине 1950-х годов, комментируя особенности подобных государственных образований, подчеркивал, что «царизм заботливо оберегал деспотический режим в Хиве и Бухаре»². Для исторических построений в Таджикской ССР в первой половине 1960-х годов характерно стремление привить комплекс национальной неполноценности таджикам: почти все достижения таджиков в революционном движении и строительстве социализма рассматривались в контексте благотворного влияния со стороны русского народа, который был сам низведен в официальной историографии почти исключительно до пролетариата, руководимого Коммунистической партией. В подобных исследованиях доминирующим мотивом авторов было стремление в как можно большей степени интегрировать национальные истории народов Средней Азии в границы советского идеологизированного канона исторического воображения.

Особое внимание в национальных схемах историописания и историоописания в Средней Азии занимали нарративы, связанные с советским периодом³. Советская история бы-

¹ Стеценко И.А. Из истории народных движений... – С. 155.

² Кулиев К.М. Национальная политика... – С. 10.

³ О советском периоде публиковали крайне много, но это количество крайне негативно сказывалось на качестве исследований, которые изобиловали идеологическими формулами и клише. См.: Аннакурдов М.Д. Печать Советского Туркменистана (ее зарождение и развитие) / М.Д. Аннакурдов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1956. – Вып. 1. – С. 68 – 89; Ходжамухамедов Н. Развитие изобразительного искусства в Советском Туркменистане (1917 – 1951 г.) / Н. Ходжамухамедов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркмен-

ла в значительной степени идеологизирована, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, наполнены почти ритуальными формулами типа «религиозные догмы ислама ограничивали развитие туркменского искусства, препятствовали появлению реалистических форм искусства, правдиво отражающих жизнь трудящихся масс»¹, «история Коммунистической партии неразрывно связана с историей революционного движения пролетариата»², «благодаря ленинско-сталинской национальной политике туркменский народ обрел свою национальную государственность»³, «в результате осуществления ленинско-сталинской национальной политики Туркменистан превратился в цветущую социалистическую республику»⁴, «трудящиеся Туркменской ССР пользуются на своем родном языке высоко идейной советской литературой»⁵.

В ситуации доминирования подобного идеологизированного языка местные интеллектуалы были вынуждены сочетать лояльность национальным ценностям с общими принципами советской политической лояльности. В советский период в республиках Средней Азии вышло немало исследований, выдержанных в официальном духе. Поэтому, остановимся на некоторых, которые несут на себе все родовые признаки, характерные для подобного вида интеллектуальной продукции. Например, в 1960 году в Сталинобаде выходит исследование Я. Шапирова «Из истории построения фундамента социализма в Таджикистане (1929 – 1932 гг.)». Книга написана в соответствии с нормами и требованиями советского научного ри-

ской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1956. – Вып. 1. – С. 90 – 113.

¹ Ходжамухамедов Н. Развитие изобразительного искусства в Советском Туркменистане (1917 – 1951 г.). – С. 90.

² Аннакурдов М.Д. Печать Советского Туркменистана (ее зарождение и развитие) / М.Д. Аннакурдов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1956. – Вып. 1. – С. 68.

³ Аннакурдов М.Д. Печать Советского Туркменистана. – С. 77.

⁴ Ходжамухамедов Н. Развитие изобразительного искусства в Советском Туркменистане (1917 – 1951 г.). – С. 90.

⁵ Аннакурдов М.Д. Печать Советского Туркменистана. – С. 88.

туала, открываясь почти сакральным декларированием авторской цели – изучить «историю борьбы трудящихся масс Таджикистана под руководством Коммунистической партии за выполнение первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, за создание фундамента социализма в республике»¹.

Авторский нарратив Я. Шарипова выдержан в стиле весьма жесткой идеологизации, что в целом характерно и для других публикация по этой тематике в республиках Средней Азии². Я. Шарипов, например, писал о том, что «успехи, достигнутые таджикским народом» стали возможны исключительно благодаря руководству Коммунистической партии³ и дружбе народов между таджиками и другими народами СССР, в первую очередь – русскими⁴. Аналогичные настроения были характерны и для туркменской историографии. К.М. Кулиев в 1950-е годы определял советскую национальную политику как «политику дружбы и братского сотрудничества народов»⁵. Подобная идеологизация исторического нарратива способствовала его денационализации, стимулируя лояльность части интеллектуального сообщества в союзных республиках, делая более приоритетными и значимыми для них идеологические ценности, что вело к сокращению роли национальных ценностей, постепенному размыванию границ национальной идентичности.

Местная проблематика активно исследовалась в контексте в значительной степени политизированных исследований, протекавших в русле официального (или официозного) советского аналога западной политологии – обществоведения.

¹ Шарипов Я. Из истории построения фундамента социализма в Таджикистане (1929 – 1932 гг.) / Я. Шарипов. – Сталинобад, 1960. – С. 3 (книга, изданная на русском языке, имела и титульный лист на таджикском: Шарифов Я. Аз таърихи сохтмони тахкурсии социализм дар Тоҷикистон / Я. Шарифов. – Сталинобад, 1960).

² См. например: Исмоилов У. Партия Коммунисти дар мубориза барои тараккии додони соноати республика (солҳои 1928 – 1932) / У. Исмоилов // Коммунист Тоҷикистон. – 1957. – № 3. – С. 8 – 15.

³ Шарипов Я. Из истории построения фундамента социализма. – С. 161.

⁴ Там же. – С. 162 – 163.

⁵ Кулиев К.М. Национальная политика... – С. 13.

С другой стороны, если американские и европейские исследователи анализировали пост-колониальные общества, идентичности и политические культуры Африки и Азии в категориях формирования современных наций, то советские авторы фокусировали внимание на народах Средней Азии в контексте прогрессивного воздействия революции и формирования социалистических наций.

Советские исследователи не стеснялись колониальной риторики в рамках анализа тех отношений и культур, которые доминировали в Средней Азии, полагая, что этот регион «...представлял собой колонии царской России... царизм и капиталистические монополии преднамеренно удерживали эти окраины на положении поставщиков сырья... здесь была установлена военно-колониальная система управления...»¹. Средняя Азия в советском дискурсе играла роль особого советского Ориента, советского Востока – территорией, где доминировали архаичные и традиционные отношения, «феодалдно-религиозный»² тип культуры.

В этом отношении более привлекательными для интеллектуалов в республиках Средней Азии были проблемы, связанные с формированием отдельных наций и хотя и в этом случае они были вынуждены писать в рамках официального политического и научного языка, используя термины «социалистическая нация», «дружба народов», тем не менее изучение подобной тематики создавало большее пространство как для интеллектуального маневра, так и для выражения, подчеркивания своей национальной идентичности. Среди текстов, созданных в рамках подобной идеологической парадигмы, работа М. Вахабова «Формирование узбекской социалистической нации», которая представляет собой одну из

¹ Преобразующая роль Великого Октября в духовном возрождении народов Средней Азии и Казахстана // Исторический прогресс социалистических наций / ред. Н.Н. Негматов, А.Я. Вишневский. – М., 1987. – С. 66.

² Культурная жизнь народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период // Исторический прогресс социалистических наций / ред. Н.Н. Негматов, А.Я. Вишневский. – М., 1987. – С. 57.

попыток примирить коммунистическую идеологию с национальностями ценностями.

Действуя в строго очерченных рамках, М. Вахабов был вынужден констатировать свою лояльность Советскому Союзу, что оказало значительное влияние на особенности его научного языка. Именно с этим следует связывать частые констатации того, что «процесс формирования социалистических наций проходит на основе общих закономерностей», «нация является продуктом длительного исторического процесса»¹, «социализм по форме своего существования является национальным обществом»², «в братском содружестве с народами СССР узбекский народ во главе с Коммунистической партией Узбекистана – одним из боевых отрядов КПСС – твердыми шагами идет к светлому коммунистическому завтра»³... Наличие этих идеологических формул и клише в узбекском научном дискурсе начала 1960-х годов не было случайным. Используя столь политизированный, идеологически выдержанный и маркированный политический и научный язык, узбекские интеллектуалы стремились подчеркнуть свою лояльность общесоветскому политическому проекту. Кроме этого наличие подобных мотивов было призвано легитимизировать и попытки описания узбекской истории как национальной, о чем речь пойдет ниже.

Для работ М. Вахабова были характерны элементы и узбекского национализма. По мнению М. Вахабова, которое он высказывал в начале 1960-х годов, хронология этногенеза узбеков нуждается в пересмотре. Не соглашаясь с более ранними версиями появления узбеков в XVI веке, М. Вахабов был склонен «удревнять» узбеков, датируя их появление X столетием⁴. В этом отношении в текстах М. Вахабова заметна, характерная для национально ориентированных интеллектуалов, попытка искусственно экспортировать современную эт-

¹ Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации / М. Вахабов. – Ташкент, 1961. – С. 11.

² Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации. – С. 237.

³ Там же. – С. 584.

⁴ Там же. – С. 23.

ничность / идентичность в прошлое, национализировав тем самым историю, что было особенно актуально для узбекских интеллектуалов, если принять во внимание, что на часть их прошлого и территорий, которые ими воспринимались как этнически и исторически узбекские, претендовали таджикские интеллектуалы-националисты. Кроме этого М. Вахабовым предпринимались попытки формирования нового образа узбеков как почти воображаемого сообщества, которое пространственно четко локализуется.

Именно поэтому М. Вахабов писал, что под узбеками следует понимать «тюркоязычное население Ферганской, Зеравшанской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской и Гиссарской долин, а также Ташкентского и Хорезмского оазисов»¹. В этом определении принципиально важными являются как упоминание того, что узбеки относятся к тюркам, так и обращение к пространственно-географическим координатам, которые не только узбекски на настоящий момент, но и являются узбекскими, по версии М. Вахабова, исторически. Для текста М. Вахабова, изданного в 1961 году, если воспринимать его как националистический текст, порожденный ограничениями авторитарного режима, характерен скрытый узбекский национализм. Национально ориентированные интеллектуалы не могли проявлять свои националистические чувства, aspirations и претензии открыто.

Поэтому, национальное / националистическое чувство переместилось в сферу гуманитарных исследований. Анти-таджикские настроения, которые стимулировались территориальными противоречиями, но подавлялись на республиканском уровне, также оказались вытеснены на страницы исследований, посвященных истории Средней Азии. Исходным стимулом для развития и развертывания националистического нарратива для узбекских интеллектуалов в исторических исследованиях было осознание двух фактов. Во-первых, существовало четкое разграничение по языковой и, как результат, этнической принадлежности. Узбекские интеллектуалы

¹ Там же. – С. 19.

позиционировали себя и своих туркменских соседей как тюрок, претендуя на статус главных тюрок в Средней Азии несмотря на то, что тюркскими были также Казахская и Киргизская ССР.

Таджикские соседи узбеков и туркмен из числа тюрок исключались в силу того, что объективно были для них «чужими» / «другими», так как принадлежали к индоевропейской семье. Во-вторых, языковая ситуация усугублялась территориально. Положение осложнялось тем, что на протяжении Средних Веков в регионе Средней Азии сложились крупные исторические, политические, культурные и экономические центры, которые в минимальной степени были этнически тюркскими, но в большей степени развивались как часть индоевропейского, ирано-таджикского, мира. Узбекские интеллектуалы, вероятно, понимали, что Узбекской ССР очень «повезло» во включении в ее состав Самарканда и Бухары. При этом национально ориентированные узбекские интеллектуалы осознавали и то, что таджикские интеллектуалы от идеи единства таджикского исторического пространства не намерены отказываться. Поэтому для большинства исследований по истории Средней Азии, которые выходили из-под пера узбекских интеллектуалов, было характерно стремление оспорить права таджиков на узбекские территории и показать, что процесс развития таджикских земель был если не неправильным, то меньшей мере не таким как у узбеков.

Полемизируя с таджикскими историками, в начале 1960-х годов М. Вахабов в некоторой мере пытался использовать идеи тюркизма¹ для обоснования своих теоретических построений. В частности, он полагал, что развитие таджикских земель развивалось как постепенное сужение ареала распространения таджикского языка и культуры в то время, как узбеки вбирали в себя «все новые и новые этнические компо-

¹ Проявлением тюркизма был интерес в республиках Средней Азии к Турции, о чем свидетельствуют, например, публикации туркменских исследователей. См.: Бекиев Б., Моисеев П. Хэзирки Түркие / Б. Бекиев, П. Моисеев. – Ашгабат, 1963; Бекиев Б. Гошымыз Түркие / Б. Бекиев. – Ашгабат, 1963; Карабаев Б. Түрк обысыны хелэкчиликпи ягдайды / Карабаев // Совет Туркменистаныны аяларры. – 1963. – № 8.

ненты»¹. Именно поэтому М. Вахабов настаивал, что в процессе расселения узбеков они ассимилировали родственные таджикам индоевропейские группы населения², что, вероятно, позитивной реакции со стороны таджикских интеллектуалов вызывать не могло. Интерпретируя раннюю историю узбеков, М. Вахабов писал, что «главнейшим моментом образования ядра узбекской народности на этнической основе согдийцев и хорезмийцев была утрата ими своего языка и восприятие тюркского языка»³. Хорезмийцы и согдийцы, которые интегрировались таджикскими интеллектуалами в таджикский исторический контекст, усилиями узбекских авторов превращались в нетюркоязычных предков узбеков.

Несмотря на то, что М. Вахабов пытался описывать историю узбеков с национальных позиций, он был вынужден констатировать свою лояльность коммунистическому режиму, что способствовало значительной идеологизации научного продукта. В частности, М. Вахабов полагал, что «образованием Узбекской ССР был нанесен решительный удар по остаткам буржуазного национализма и национального уклона внутри партии»⁴. Аналогичные настроения были характерны и для работ туркменских интеллектуалов. Образование Туркменской ССР воспринималось ими как освобождение от «социального и национального гнета», а сама ТССР позиционировалась как «национальная государственность на советских началах»⁵. Проблемы, связанные с национальной политикой СССР в Средней Азии были одними из наиболее идеологически маркированных. В этой ситуации идеологизации

¹ Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации. – С. 24.

² Там же. – С. 25.

³ Там же. – С. 27.

⁴ Там же. – С. 401. См. также: Турсунов Х.Т. Образование Узбекской ССР / Х.Т. Турсунов. – Ташкент, 1957.

⁵ История Советского Туркменистана. – Ашхабад, 1970. – Т. 1 (1917 – 1937). Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма. – С. 223 – 224. Издание вышло на русском языке, но имело титульный лист на туркменском: «Совет Туркменистаныны тарыхы. Биринжи бөлүм (1917 – 1937). Бейик Октябрь социалистик революциясыны емеги ве социализми гурулмагы», а также посвящение: «Владимир Ильич Ленини доглан гүнүни 100 йыллыгыны багашланяр» (Посвящается 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина).

подвергался и научный дискурс, представленный, например, в исследованиях туркменских историков. В 1970 году выходит специальное юбилейное издание «История советского Туркменистана», в котором в духе официальной коммунистической идеологии констатировалось, что «решение Коммунистической партии [о национальном размежевании – М.К.], выразившее чаяния широких народных масс, было встречено туркменским народом с огромным удовлетворением»¹.

Помимо таджикских интеллектуалов национально ориентированные узбекские авторы активно использовали русские нарративы. Это использование было двойственным. С одной стороны, констатировалась прогрессивная роль вхождения узбекских земель в состав России, с другой, неизбежно указывалось на то, что российская политика не отвечала интересам узбеков. В своих исследованиях узбекские интеллектуалы не упускали возможности напомнить о «фактах жестокого отношения к местным жителям»². В связи с этим М. Вахабов писал, что «сущность политики царизма была и остается колониальной»³, а сами узбеки в период нахождения их земель в составе Российской Империи «подвергались жестокому национально-колониальному угнетению»⁴. Но в условиях доминирования коммунистической идеологии, подчиненности республик Средней Азии Москве антирусские настроения в гуманитарных (особенно – исторических) исследованиях развивались подспудно, что позднее, после распада Советского Союза, привело к национальному ренессансу, в рамках которого этноцентрические, в том числе – и антирусские, интерпретации оказались востребованными.

В советскую концепцию почти не вписывались различные оппозиционные и альтернативные дискурсы. В такой ситуации сама модернизация сводилась не к социально-идентичностным трансформациям, а к чисто внешним изме-

¹ История Советского Туркменистана. – Т. 1. – С. 226 – 227.

² Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации. – С. 92.

³ Там же. – С. 93.

⁴ Там же. – С. 249.

нениям – росту грамотности, появлению сети школ, усилению национальных интеллигенций, развитию высшего образования. Вероятно, советская модель модернизационной политики, которая практиковалась СССР на «своем» Востоке привела к весьма ограниченному и поверхностному результату. Модернизация интересовала местные региональные элиты не как процесс трансформации среднеазиатских обществ, а как инструмент политического давления, влияния и принуждения.

Советская модель политического функционирования была лишь формой, которая использовалась для функционирования республик Средней Азии в составе Советского Союза. В период существования СССР среднеазиатские республики не прошли полный цикл модернизации, но освоили и усвоили только внешние формы западного типа модерности. Европой для национальных интеллигенций среднеазиатских республик была Россия, а причастность к западной культуре ограничивалось осознанием того, что республикам нужна промышленность, а для ее функционирования – специалисты, инженеры, врачи, школьные учителя, университетские преподаватели. Нередко ими были русские или выходцы из других республик СССР, которые на местном, среднеазиатском, уровне воспринимались как русские.

Распад Советского Союза привел к откату модернизационной волны. Среднеазиатские республики приблизились к постколониальным государствам. Местные элиты позиционировали себя как европейские перед своими партнерами в Европе, но на национальном уровне возобладали отношения классического доминирования и подчинения. Процессы политического транзита фактически вылились в установление авторитарных национализирующихся режимов. Рост национализма привел к оттоку русского и русскоязычного населения, что в значительной степени усилило постколониальный социально-культурный и экономический облик республик Средней Азии.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И «ПЛАН МАРШАЛЛА»

К весне 1947 г. ситуация в Европе была нестабильной и тревожной. В Восточной Европе складывалась система народных демократий, устанавливался все более жесткий контроль Советского Союза над этой частью континента. После окончания Второй Мировой войны руководство СССР делало всё возможное, чтобы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы к власти пришли просоветские силы, прежде всего коммунистические партии. СССР предъявил территориальные претензии Турции и потребовал изменения статуса черноморских проливов, включая права СССР на создание военно-морской базы в Дарданеллах. В Греции набирало мощь партизанское движение, руководимое коммунистами и подпитываемое поставками из пограничных Албании, Югославии и Болгарии, где уже находились у власти коммунисты.

СССР стремился использовать систему коллективной безопасности для расширения своего могущества. Это было замечено странами Запада и вызвало тревогу. Во Франции и Италии компартии стали самыми крупными политическими партиями в своих странах. Здесь и ещё в ряде стран Западной Европы коммунисты были в составе правительств. Кроме того, после вывода из Европы основной части американских войск, СССР превратился в доминирующую военную силу в континентальной Европе. Всё благоприятствовало планам советского руководства. К тому же в Западной Европе наблюдались признаки возможного экономического кризиса, нарастала социальная напряженность.

Весной 1947 г. правительственные ведомства США начали изучение возможностей американской помощи Европе. В мае заместитель государственного секретаря Дин Ачесон публично заявил о необходимости срочной американской

помощи объединению европейских государств, ради сохранения свободы и демократических институтов. За словами последовали и действия. 5 июня 1947 г. В своем выступлении в Гарвардском университете госсекретарь США Джордж Маршалл сообщил о готовности США осуществить программу помощи пострадавшим во время войны европейским странам.

Он высказался за широкомасштабную помощь США европейским странам при условии, что они разработают единую программу восстановления своей экономики. Маршалл отметил, что без здоровой мировой экономики нет политической стабильности, и настаивал на том, что инициатива должна исходить из Европы. «Наша политика,- говорил он, - направлена не против какой-либо страны или доктрины, а против голода, нищеты, отчаяния и хаоса. Ее цель должна заключаться в возрождении рабочей экономики в мире для создания таких политических и социальных условий, при которых могут существовать свободные институты». Маршалл заявил, что «любое правительство, которое предпринимает маневры с целью препятствовать восстановлению других стран, не может ждать от нас помощи. Более того, правительства, политические партии или группы, которые стремятся сохранить нищету среди людей, чтобы извлечь из этого политические выгоды или с другими целями встретят сопротивление со стороны США»¹.

Основные цели «плана Маршалла» предусматривали стабилизацию социально-политической ситуации в Западной Европе, включение Западной Германии в западный блок и уменьшение советского влияния в Восточной Европе. На совещании у госсекретаря США 28 мая было решено, что страны Восточной Европы смогут принять участие в программе восстановления Европы, только если они откажутся от почти

¹ Тахненко Г. Анатомия одного политического решения / Г. Тахненко // Международная жизнь. – 1992. – № 5. – С. 114.

исключительной ориентации их экономики на Советский Союз в пользу широкой европейской интеграции¹.

В Советском Союзе выступление Маршалла встретили настороженно, хотя и не без интереса. В нем увидели возможность получения американских кредитов для послевоенного восстановления Европы. И в то же время советское руководство отчетливо прослеживало контуры западноевропейского блока, направленного против СССР. Это было связано с тем, что фактически план был представлен так, что участие в нем Советского Союза и стран Восточной Европы выглядело весьма проблематичным. Заинтересованность СССР в получении американских кредитов для послевоенной реконструкции была большой, но советское руководство не могло отказаться от своей сферы влияния в зоне «народной демократии». А этот отказ и являлся своеобразной ценой. «СССР стоит перед настоящей дилеммой, - сообщали в еженедельном обзоре от 11 июля 1947 г. президенту аналитики американской разведки. – Если он возьмет курс на участие в программе возрождения, ему придется пожертвовать монопольным экономическим контролем над Восточной Европой... и разрешить переориентацию своих сателлитов навстречу общеевропейской экономике, создание которой подразумевается программой Маршалла»². Такой курс ставил под угрозу советскую гегемонию в Восточной Европе и был неприемлем. Но, с другой стороны, отказываясь от участия в программе, СССР нарушил кардинальный принцип своей политики: не допустить возникновения союзов держав, в которых он не обладал бы правом вето. СССР избрал второй путь в надежде на скорый экономический крах США, о котором говорилось в докладной записке В.М. Молотову академика Е. С. Варги.

Резко негативно оценивал «план Маршалла» и посол СССР в США Н. Новиков: «США оставили за собой право

¹ Наринский М.М. План Маршалла и Советский Союз / М.М. Наринский // История европейской интеграции, 1945-1994. – С. 31.

² Источник. – 1999. – №2. – С. 92.

самим решить вопрос о том, кому, в каком размере, чем именно и на каких условиях они окажут помощь... США поддерживают идею экономического объединения европейских стран Западной Европы, т. е. создание западного блока»¹. Новиков считал, что участие Советского Союза в разработке программы помешает осуществлению американского плана подчинения Европы и создания антисоветского блока.

В сложившейся ситуации советское руководство стремилось не допустить получения США каких-либо экономических и политических преимуществ в процессе осуществления «плана Маршалла». Советский Союз решительно отвергал любые формы контроля со стороны США в отношении экономики СССР и стран Восточной Европы. Отношение советского руководства к плану Маршалла было изложено в директивах советской делегации на встрече министров иностранных дел трех держав, проходившей в Париже с 27 июня по 2 июля 1947 г. На первый план выдвигалась задача получения информации о характере и условиях предполагаемой экономической помощи Европе. В частности, советская делегация должна выяснить следующие вопросы: каковы формы, возможные размеры и условия, на которых эта помощь будет предоставлена. Делегация не должна допустить, чтобы совещание министров сбивалось на путь выявления и проверки ресурсов европейских стран. Условия помощи, которые могли бы повлечь за собой ущемление суверенитета европейских стран или нарушение их экономической самостоятельности, должны были отвергаться.

Советская делегация сделала упор на внутренние меры и национальные усилия европейских стран, а не на расчеты на иностранную поддержку. Основные утверждения Молотова сводились к тому, что создание наднациональных органов, определявших в какие страны направлять помощь, приведет к утрате экономической самостоятельности и суверенитета европейских стран, будет подорвана их независимость².

¹ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 9. П. 18. Д. 213. л. 2-4.

² Молотов В. М. Вопросы внешней политики. – С. 469 – 470.

12 июля 1947 года в Париже была созвана конференция европейских стран для обсуждения “плана Маршалла” с целью получения их согласия на разработку общеевропейской экономической программы. Советский Союз отказался принять в ней участие. На этой конференции была заключена конвенция о создании Организации (первоначально комитета) европейского экономического сотрудничества. Ее задачей стала разработка совместной Программы восстановления Европы. В августе 1947 года комитеты конференции определили общую сумму кредитов, необходимую Западной Европе на 4 года. США послали представителей Конгресса в Англию, Францию, Германию, Италию, Австрию, Скандинавские страны, чтобы на месте изучить вопрос об объеме помощи европейским странам в порядке реализации “плана Маршалла”. В конце 1947 года правительство США внесло на рассмотрение конгресса законопроект о “плане Маршалла”. “План Маршалла” Был утвержден конгрессом 2 апреля 1948 года и действовал с 3 апреля 1948 года по 30 декабря 1951 года.

Отказавшись от плана Маршалла, СССР и его союзники должны были полагаться на собственные экономические ресурсы. Соединенные Штаты, выдвигая План Маршала, пытались нейтрализовать Советский Союз, устранить его от послевоенного экономического восстановления Европы. В этой ситуации странам восточной Европы, вынужденным под давлением со стороны советского руководства отказаться от плана Маршалла, не оставалось другого пути, как установить тесные экономические и торговые связи с СССР и тем самым все глубже втягиваться в орбиту его влияния.

Особое место в “плане Маршалла” было уделено Западной Германии. После окончания 2-й мировой войны Западная Германия превратилась по существу из противника в партнера западных держав, ей отводилась роль форпоста в борьбе против “советского коммунизма”. Из всех западноевропейских стран именно Германии “план Маршалла” отдавал явное предпочтение. Реализация “плана Маршалла” в

ФРГ была, наряду с реформой Эрхарда, важнейшим условием перехода от тоталитарной экономики к рыночной. Но еще важнее было принятое союзниками решение о возвращении ФРГ на политическую и экономическую арену Европы. Снятие ограничений на внешнюю торговлю позволило Германии вернуть свои лидирующие позиции в Европе. Западногерманский вариант перехода от централизованного управляемого хозяйства к рынку представляет собой ценный опыт для всех стран, решающих подобную задачу.

Советское руководство видело в США своего главного соперника на международной арене и всячески стремилось не допустить расширения американского влияния в Европе. В Москве весьма болезненно воспринимали любые попытки создания западного блока при американской гегемонии в этой коалиции.

Фактически реализация «плана Маршалла» и резко негативная реакция советского руководства означали важнейший рубеж на пути раскола Европы. Восторжествовала концепция раздела Европы на сферы влияния, которую ранее не хотели принять руководящие круги США. Предпосылки создания блоков были заложены расколом Европы на две группы государств: принявших план Маршала и отклонивших его. Соединенные Штаты получили именно ту реакцию Советского Союза на план маршала, на которую и рассчитывали, ведя к разделу Европы на «два мира». Однако сами американцы проводить линию раздела в Европе не хотели. Советские руководители, сделав встречный шаг на пути к конфронтации, помогли им в этом.

В ходе реализации плана Маршалла противоречия между Западом и Востоком усиливались. Страны, включенные в план, постепенно формировали западный блок, государства-члены Коминформа – восточный. Собственно, холодная война началась в тот момент, когда западные союзники в одностороннем порядке попытались реконструировать германскую экономику по модели плана Маршалла. После объявления денежной реформы – фундамента реконструкции запад-

ногерманской экономики – Советы объявили блокаду Берлину, которая привела к организации Соединенными Штатами знаменитого воздушного моста, действовавшего с 24 июня 1948 г. по 12 мая 1949 г.

Организация плана Маршалла и отрицательная реакция советского руководства означали важнейший рубеж на пути раскола Европы на два лагеря. Организация Брюссельского соглашения, подписанного в 1948 г. Великобританией, Францией и странами Бенилюкса, претерпела сходное развитие. В 1949 г. она превратилась в НАТО (Организацию Североатлантического договора), к которой присоединились США, Канада, Дания, Норвегия, Португалия, Исландия и Италия. Разделенная Европа становилась частью биполярного мира, характерного для всего периода холодной войны.

А.А. Баутин

«ЛОККОВСКИЙ» ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ НЕУДАВШИХСЯ ГОСУДАРСТВ

Современное государство – это сложное многосоставное образование, обладающее набором специфических свойств: совокупность взаимосвязанных и единообразных институтов; территория, на которой проживает население и которой ограничивается действие институтов; принятие и реализация институтами решений, отражающих интересы всего общества или его части; разделение сферы публичной и частной жизни; осуществление суверенной власти над другими социальными институтами; монополия на легитимное насилие и применение средств принуждения в рамках данной территории; установление гражданства и контроль за миграцией; формулировка и культивирование этики и идеологии поддержки общих интересов и воли граждан; поддержка большинством

общества и социальных групп; наличие фискального аппарата и формирование бюджета; регулирование социально-политической активности граждан посредством конституции и системы права; признание другими государствами¹.

Разные государства обладают в разном объеме разным набором этих свойств, что зависит от специфики исторического развития, культуры и современного развития и состояния государства. Поэтому содержание понятий государства и государственности является дискуссионным, а их определение чрезвычайно сложной проблемой. Одни исследователи подчеркивают одни, другие – другие свойства государства и государственности, полагая, что все остальные являются случайными и частными. Например, Э. Геллнер определяет государство как специализированную и концентрированную силу поддержания порядка и институт или ряд институтов, основная задача которых охрана порядка. «Государство существует там, где специализированные органы поддержания порядка, как, например, полиция и суд, отделились от остальных сфер общественной жизни. Они и есть государство»².

В отличие от Э. Геллнера, определяющего государство, главным образом, как силу, институт или ряд институтов для поддержания порядка, для Х. Клэссена государство – это независимая централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений. «Оно существует в сложном, стратифицированном обществе, расположенном на определённой территории и состоящем из двух основных страт – правителей и управляемых. Отношения между этими слоями характеризуются политическим господством первых и налоговыми обязательствами вторых. Эти отношения узаконены разделяемой, по крайней мере, частью общества идеологией, в основе которой лежит принцип

¹ Jessop R. State Theory: Putting Capitalist States in Their Place / R. Jessop. – Cambridge, 1990. – P. 341.

² Геллнер А. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991. – С. 28.

реципрокности»¹. В этой связи, с точки зрения исследования государственного краха можно выделить несколько подходов к пониманию государства.

Одним из таких подходов является «Локковский» подход, который расценивает государство как поставщика политических товаров. Соответственно, «неудавшееся государство» это государство, которое не в состоянии или не желает поставлять собственному населению даже минимальный объем таких товаров или, говоря по другому, не выполняет присущие государству функции. По, мнению И.В. Зартмана, государственный коллапс это не просто бунт, государственный переворот или беспорядки это более глубокий, длительный процесс, представляющий собой долгосрочную дегенеративную болезнь государства. Это ситуация, где государственное устройство, власть, право и политический порядок разрушены, ничейные или распределены между локальными центрами силы (например, «варлордами») в масштабах всей страны и должны быть реконструированы в некоторой форме, старой или новой. При этом наличие анархии обязательно, локальные центры силы могут вполне эффективно на доступном для них уровне поддерживать определенный порядок в пределах контролируемой территории. Образно Зартман сравнивает этот процесс с «видом медленно падающего в кино автомобиля или объекта падающего с лестницы, где каждая ступенька это очередной шаг в пропасть или возможность зацепиться и попытаться восстановить баланс»².

Главной причиной государственного коллапса Зартман считает неспособность государства и политической системы выполнять (или плохое выполнение) возложенные на них функции. Невыполнение или плохое выполнение функции государством приводит к тому, что как центр принятия решений государство становится парализованным, нефункцио-

¹ Claessen H. J. M. State / H. J. M. Claessen // Encyclopedia of Cultural Anthropology. – NY., 1996. – Vol. IV. – P. 1255.

² Zartman I.W. Introduction: Posing the Problem of State Collapse / I.W. Zartman // Collapsed States. The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority / ed. I.W. Zartman. – L., 1995. – P. 7.

нирующим и неэффективным (законы не принимаются, порядок не защищен и социальное единство не увеличивается); государство как территория и как центральная суверенная организация больше не гарантирует безопасность и снабжение населения политическими товарами; как властный политический институт, государство потеряло свою власть (способность добиваться реализации принятых решений), управление общественными делами и легитимность, которая становится «доступной любому желающему» («up for grabs»)¹; и, наконец, как политическая система и система социально-экономической организации у государства разрушен функциональный баланс входов и выходов. Это значит, что государство больше не получает поддержки от населения, не управляет населением, а население не требует этого, так как знает, что государство неспособно к обеспечению снабжения политическими продуктами. Окончательным итогом процесса коллапсирования, разрушения государства, становится ситуация при которой государство является ненужным для населения, лишним, мешающим развитию, создающим ненужные и неэффективные барьеры. Для государства это означает, что оно потеряло право управлять и не функционирует ни с традиционными, ни с харизматическими, ни институциональными источниками легитимности.

Может существовать огромная масса сценариев развития событий. Независимо от сценария развития событий У. Зартман описывает процесс разрушения государства так: власть уходит на периферию, потому что центр не консолидирован; правительство теряет базу власти, не отвечает запросам электората, избегает трудных решений и выбора, не действует по существу дела, а только манипулирует процедурой; центр теряет контроль над своими агентствами².

Зартман описывает сценарий³, при котором к власти приходят военные¹. Как только режим изнашивает свою способ-

¹ Zartman I.W. Op. cit. – P. 5.

² Zartman I.W. Op. cit. – P. 10.

³ Ibid. – P. 7 – 9.

ность удовлетворить поступающие в политическую систему требования, и ресурсы государства вследствие разного причин иссякают (например, как это было со свертыванием финансовых потоков в страны третьего мира в связи с прекращением Холодной войны), социальные и этнические группы чувствуют себя брошенными и отчужденными, что создает атмосферу неудовлетворенности и оппозиции². Возникающие протестные движения, как правило, подавляются силовым путем, как это было в том же Судане, Афганистане и многих других странах. Военные постепенно «сползают» к захвату власти. Однако проблема состоит ни в том, что к власти приходят военные и ни в том, что очень немногим военным режимам удалось изменить пагубную траекторию государственного развития. «Новое правительство [*правительство военного режима*] в вопросах изъятия и распределения ресурсов и эффективного канализирования групп оппозиции, является ничем не лучше чем его предшественник, полагаясь при этом даже больше чем ранее на контроль и принуждение»³.

Когда это становится очевидным режим падает в вакуум, который создал себе сам своими силовыми акциями. Зартман считает, что главной проблемой является то, что при этом сценарии гражданское общество оказывается неспособно «дать обратный ход, отскочить» т.е. заполнить позиции оставленные государством, восстановить веру, поддержать правительство, и сконцентрировать все усилия вокруг «пре-

¹ Так развивались события, например в Мавритании (в 1978 г. к власти пришли военные во главе с подполковником М. ульд-Мохамедом Салехом; в 2005 г. группа офицеров во главе с шефом службы национальной безопасности полковником Эли ульд-Махаммедом Валем совершила государственный переворот) или Судане, где во второй половине XX в. периоды «суданской демократии» прекращались очередным военным переворотом с последующим периодом военной диктатуры (1958, 1969 и 1989 гг.).

² Вместо военных, угрозу режиму могут составлять, например, вооруженные восстания против правительства. Этот сценарий значительно хуже армейского, потому что восставшие крайне редко в состоянии одерживать полную победу, во всяком случае, в краткосрочной перспективе (афганская исламская оппозиция, повстанцы в Южном Судане и Дарфуре и т.д.), приводя лишь к еще большему расколу в обществе. В этом случае, хотя слабое правительство продолжает находиться у власти его власть становится крайне ограниченной и ситуация коллапса консервируется.

³ Ibid. – Р. 8.

емника»¹ режима и политической системы. Разрушенное, расколотое общество впредь не может быть собрано в единое целое под единой идентичностью. Все компоненты бывшего цельным общества выступают против центра и видят себя местном локальном уровне, а организация снабжения политическими товарами населения, участие, безопасность и распределение переходят в руки тех, кто будет и в состоянии за них бороться – «варлордов», главарей организованных преступных группировок, в том числе транснациональных, которые, в отсутствие чего-нибудь еще, часто используют либо этнический либо религиозный принцип как источник идентичности и контроля.

Еще одной важной особенностью государственного краха, которую отметил Зартман, это то, что вместе с потерей контроля над политическим и экономическим пространством изменяется само пространство, причем изменения происходят в противоположных направлениях. С одной стороны, соседние государства посягают на суверенитет решающегося государства, оказывая содействие и предоставляя убежище оппозиционным, сепаратистским или диссидентским движениям, что приводит к расширению политического пространства такого государства за пределы его границ. С другой стороны, экономическое пространство такого государства уменьшается как за счет роста теневой экономики, которая поглощает легальную экономическую сферу, так за счет того, потерянные части национальной территории часто используют валюту соседнего государства и присоединяются к экономической системе граничащих регионов других государств.

Самой главной функцией государства, согласно «Локковскому подходу» является децентрализованное снабжение населения политическими товарами². Исходя из способности государства эффективно снабжать населения политическими

¹ Ibid. – P. 8.

² Rotberg R.I. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators / R.I. Rotberg // State Failure and State Weakness in a Time of Terror / ed. R.I. Rotberg. – Washington, 2003. – P. 2.

товарами можно говорить о сильном, слабом, рушащемся, неудавшемся или коллапсировавшем государстве. Сами политические товары представляют собой совокупность предлагаемых на политическом рынке товаров и услуг, обладающих полезностью, виды и качество которых зависит от местной культуры и содержания социального контракта (общественного договора) между властью и населением. Существует определенная иерархия политических товаров¹:

- наиболее важный политический товар это безопасность, особенно личная безопасность. Снабжение населения другими товарами невозможно без принятия мер по обеспечению безопасности. Отдельный человек или группа людей в принципе самостоятельно способны обеспечить некоторые виды безопасности, в том числе личную, однако они не могут полностью заменить государство, функция которого заключается в обеспечении удовлетворения всего спектра требований безопасности:

- внешняя безопасность, заключающаяся в обеспечении сохранности территории государства и неприкосновенности своих границ (предотвращение вторжений и незаконных перемещений пересечений государственной границы);

- внутренняя безопасность, которая предполагает: устранение внутренних угроз и нападения на национальный порядок и социальную инфраструктуру; пресечение преступности и всех связанных с ней опасностей для личной безопасности граждан; создание возможности гражданам и их сторонниками решать возникающие споры с государством и друг с другом без применения оружия и других форм физического насилия.

¹ Rotberg R.I. Op. cit. – P. 3.

- следующий политический товар это обеспечение предсказуемых, понятных и систематизированных методов разрешения споров и регулирование норм и преобладающих обычаев, традиций и нравов общества и государства. Сущность данной политического товара составляют обеспеченные силой государства и суда нормы права, защита прав собственности, неприкосновенность контрактов, судебная система и ряд ценностей, которые легитимизируют и подтверждают местный «правила честной игры».

- другой ключевой политический товар это свобода, которая позволяет населению свободно, полно и открыто участвовать в политических процессах, что подразумевает конкуренцию за власть, уважение и поддержку национальных и региональных институтов (органов законодательной власти или суда), толерантность к различиям и чужому мнению или позиции, фундаментальные гражданские права и права человека.

- также политическими товарами, традиционно поставляемыми государством¹ являются медицинская помощь и здравоохранение различного уровня и стоимости; образование различных видов и уровней», транспортная и иная инфраструктура; валютная, банковская и налоговая системы; институциональная среда позволяющая гражданам реализовать свои личные и предпринимательские интересы и потенциально процветать; поощрение гражданского общества; методы регулирования природопользования и использования окружающей среды.

Сильные государства эффективно поставляют все политические товары, в отличие от слабых государств, которые обеспечивают снабжение населения только некоторыми категориями политических товаров. Уровень снабжения насе-

¹ Хотя снабжение населения данными политическими товарами может производиться и частными акторами.

ния политическими товарами определяется рядом общепринятых индикаторов (ВВП на душу населения, Индексом человеческого развития ООН, Индексом коррупции ФАТФ и др.) Слабое государство имманентно имеет тенденцию становиться слабее, последовательно уходя и теряя контроль над все большим количеством сфер политических товаров. В конечном счете, появляются политические акторы готовые заменить государство в тех сферах, где оно слабо. В итоге государственная слабость приводит к краху государства. Сама по себе государственная слабость включает широкий континуум причин: «врожденная» слабость вследствие географических, природных или фундаментальных экономических ограничений; временная или ситуационная слабость изначально сильных государств из-за внутренних противоречий и вражды, ошибок и недостатков в управлении, жадности, деспотизма или внешних угроз и актов агрессии; совокупность «врожденной» и временной слабости.

Ключевыми факторами, позволяющими понять на какой стадии развала находится государство являются уровень насилия (хотя само по себе насилие, даже открытое не является причиной государственного краха) и то в какой степени государство контролирует ситуацию с безопасностью или же она находится не в его руках¹.

Традиционно слабость государства питается за счет этнических, религиозных, лингвистических и других напряженностей, которые существуют без насилия или, по крайней мере, без открытого насилия. Уровень городской преступности имеет тенденцию к росту и является достаточно высоким. Способность государства обеспечить населения политическими товарами не велика и имеет тенденцию к снижению. Физическая инфраструктура находится в плохом состоянии. Школы и медицинские учреждения слабо развиты и оборудованы, особенно в малых городах. ВВП на душу населения и другие ключевые показатели упали или продолжают падать то критических отметок, а уровень коррупции

¹ Rotberg R.I. Op. cit. – P. 4.

чрезвычайно высок. Часто во главе слабых государств стоят деспоты и тираны, пришедшие к власти, как в результате выборов, так и другим способом. При этом деспотии и автократии внешне кажутся сильными государствами, эффективно обеспечивая безопасность, но поставляя своим гражданам крайне мало политических товаров (Северная Корея, Камбоджа в период правления Пол Пота, Ирак и др.).

«Неудавшиеся государства» это слабые государства, где социальная и политическая структура разрешены до такой степени, что государство слабо или совсем их не контролирует. Они отличаются напряженным, глубоко конфликтным, опасным и ожесточенным соперничеством между различными политическими фракциями. В подавляющем большинстве «неудавшихся государств»: правительственные войска ведут боевые действия против повстанцев, возглавляемых одним или несколькими противниками режима; существуют различные гражданские волнения разной степени интенсивности и общественного недовольства; в политической системе существует избыток разногласий направленных на государство и группы в рамках него. Уровень насилия, в том числе и открытого, высокий, но его особенность состоит не в интенсивности, а в устойчивом характере такого насилия (Судан, Афганистан, Ангола и др.), направленного против как существующего правительства и режима, так, возможно, и против отдельных групп общества и даже индивидов. «Воспаленный» характер¹ политических и географических требований о разделе власти или автономии рационализирует и оправдывает насилие в умах руководителей повстанцев.

Гражданские войны, которые характеризуют «неудавшиеся государства», происходят из этнической, религиозной, лингвистической или другой межгрупповой вражды. Жадность также способствует антагонизму, особенно когда «жадность увеличена мечтами об открытии, ограблении новых, оспариваемых источников богатства, ресурсов»² – на-

¹ Ibid. – P. 5.

² Ibid. – P. 5.

пример, нефтяных месторождений, других полезных ископаемых или запасов леса. В этом плане показателен пример Судана, где решение внутренних конфликтов напрямую связано с решением вопроса о разделе между враждующими сторонами месторождений углеводородов.

В отличие от сильных государств, «неудавшиеся государства» не в состоянии контролировать свои границы и теряют власть и контроль над отдельными частями своей территории, представляя собой набор разнородных по этническому, и другим признакам групп, контролирующие отдельные районы государства, для которых государство остается лишь общим фоном и ландшафтам для соперничества и борьбы. Образно говоря это лоскутное одеяло, удерживаемое только общими границами и готовое разорваться в любой момент. Часто официальные власти «неудавшегося государства» контролируют только территорию столицы или зону заселенную родственными и союзными этническими или конфессиональными группами. Следовательно, степень государственного краха может быть измерена тем, сколько географических районов страны действительно управляются, особенно ночью, правительством. Для того, чтобы оценить это, мы должны ответить на два вопроса. Номинально или оспариваемо влияние центрального правительства на периферийные города, сельские дороги и водные коммуникации? Кто действительно представляет власть внутри страны или районов отдаленных от столицы?

Социальная основа правящего режима в «неудавшихся» государствах, как правило, достаточно узкая и базируется на отдельном этносе, партии, секте, клане. С одной стороны, такая природа власти создает патронажно-клиентальные отношения по поводу ее распределения. Патримониализм, в большей или меньшей степени, присущ всем «неудавшимся» государствам. С другой стороны, ведомые этнической или другой межгрупповой враждой, узкими этно и (или) конфессиональными интересами или небезопасным положением политической элиты, режимы преследуют своих граждан или

некоторые их группы, расценивая их как враждебные. Такие режимы как Мобуту Сесе Секо в Заире (1965 -1997 гг.)¹, Махаммада Сиада Барре в Сомали (1969-1991 гг.)² или Талибан в Афганистане (1995-2001 гг.)³ угнетают, занимаются вымогательством и, по сути, изводят собственных соотечественников. В итоге недовольные, вытесняемые группы становятся основной повстанческих движений.

Другим индикатором «неудавшегося» государства является высокий или даже запредельный уровень криминального насилия, которое постепенно поглощает этническое, религиозное или клановое. Постепенно вооруженная борьба против правящего режима становится для «варлордов» не методом для реализации своих политических целей, а способом заработать (нелегальная торговля и контрабанда, наркотрафик, торговля людьми, рэкет и т.д.). Создаются, особенно в городах, преступные синдикаты, базирующиеся на этнической или клановой идентичности. Сама власть становится все более криминальной, а ее действия все более незаконной, происходит сращивание организованной преступности и власти. Для защиты граждане обращаются не к государству, полиции или армии, а к местным авторитетам или «варлордам», которые являются выразителями этнической или клановой идентичности, что только способствует расколу общества исходя из принадлежности к клану или племени.

¹ В 1971 г. переименовав Конго в Заир, а столицу Леопольдвиль в Киншасу Мобуту провозгласил кампанию «подлинного заирского национализма». Жителям страны было предписано называть детей исконными африканскими именами, а священникам под страхом тюремного заключения было запрещено крестить детей под христианскими именами. Жителям страны было запрещено носить пиджаки, европейские рубашки и галстуки, а нарушителям приходилось платить немалый штраф. Мобуту целенаправленно, причем часто публично, уничтожал своих политических оппонентов и неоднократно подавлял мятежи и восстания. Режим Мобуту вошел в историю как одно из самых коррумпированных в двадцатом веке

² С целью подавления оппозиции, правящий режим Сиада Барре начал геноцид собственного народа. Только в 1990 г. от репрессий погибли 50 – 60 тыс. человек и уничтожались целые города.

³ Придя к власти, Талибы начали репрессии против отдельных конфессиональных (шиитов, исмаилитов) и этнических (например, хазарейцы) групп, уничтожались памятники культуры чуждые идеологии талибов (изваянии Будды), вводились чрезвычайно строгие правила шариата и средневековые казни.

«Неудавшиеся государства» имеют дефектные институты. Здесь относительно стабильно и постоянно функционирует только исполнительная власть. Законодательный орган если и существует, то является или законосовещательным по объему своих полномочий или представляет собой «регистрационную палату»¹. Судебная власть часто носит характер военного трибунала и полностью подчинена интересам правящего режима. Граждане осознают, что у них нет возможности получить защиту своих прав и интересов в суде и получить положенные в связи с нарушением их прав компенсации, особенно когда дело касается государства. Демократическая дискуссия отсутствует. Вооруженные силы в таких странах остаются одним из немногих более менее цельным институтам, но излишняя политизация армии приводит к разделению офицерского состава на клики по клановому, этническому, религиозному и другим признакам. Бюрократия, в смысле класса профессиональных управленцев, потеряна и существует только чтобы выполнять заказ исполнительной власти и на местном уровне угнетать население.

Что касается инфраструктуры, то она в «неудавшихся государствах» находится в плохом состоянии или разрушена или вовсе не существует в отдельных районах страны. Образуя говоря «чем больше ям на дорогах и колеи, тем более это государство сможет служить примером краха»². То же самое касается и другой инфраструктуры. Если в такой стране и существует хорошая инфраструктура она находится в частных руках и к ней имеют доступ очень ограниченный круг лиц.

Когда государство подверглось краху или находится в процессе разрушения, эффективная система образования и здравоохранения приватизированы, и сектор общественных услуг становится все более ветхим и заброшенным (нехватка специалистов, материалов, невыплата заработной платы, низкая квалификация работников социальной сферы и низкое ка-

¹ Rotberg R. I. Op. cit. – P. 6.

² Ibid. – P. 7.

чество предоставляемых общественных услуг). Результатом этого становятся падение уровня (или отсутствие роста) грамотности, иногда до критической отметки¹, повышается уровень детской смертности, растет количество заболевших ВИЧ/СПИД, снижается продолжительность жизни, бедное население становится еще беднее и совсем разоряется.

Экономическое состояние «неудавшихся государств» характеризуется двумя весьма противоположными особенностями. С одной стороны собственные ресурсы государства находятся на низком уровне или вообще государство признается банкротом. Влияние государства на различные сферы народного хозяйства снижается, из некоторых государств и вовсе уходит. С другой стороны крах государства, как это ни покажется странным, открывает новые возможности. Однако это касается только представителей привилегированных групп, которые, как правило, стоят около тех или иных лидеров. Однако появившиеся новые возможности, ограничиваются как сферами применения, так и кругом потенциальных клиентов, в котором, в большинстве случаев, могут выступать, остальное население фактически банкроты, только представители привилегированного класса.

Коррупция в «неудавшихся государствах» является обычным делом и имеет разрушительные масштабы. Широко распространена не только мелкая коррупция, но и государственная коррупция: 1. «откаты» за победу в государственных тендерах на закупку медикаментов, учебников на строительство дорог и мостов и т.д.; 2. излишне расточительные проекты строительства организованные с тем, чтобы максимизировать ренту, которую они формируют; 3. выдача лицензий на существующие и несуществующие виды деятельности; 4. постоянное и распространенное вымогательство. В такой ситуации коррупционные правящие элиты выводят нажитый капитал за границу, еще более усугубляя крайне острую эко-

¹ Это хорошо заметно в ходе проведения выборов в некоторых странах «третьего мира», когда кандидаты и партии обозначаются в бюллетени виде животных или других понятных местному населению символов, поскольку абсолютное большинство населения не умеет читать.

номическую ситуацию. Широко распространенные случаи, когда правящие элиты используют государственную казну для оплаты внешних агрессий, роскошного жилья и дворцов, больших заграничных путешествий и привилегий и льгот, которые «питают их жадность»¹. Армия всегда извлекает прибыль из таких чрезвычайно коррумпированных режимов и «питается» из тех же источников, что и гражданские чиновники.

Индикаторами, но не причиной провала является уменьшение реального ВВП и ВВП на душу населения, низкие или вовсе минусовые показатели экономического роста, огромные неравенства между наиболее богатыми и наиболее бедными, высокий дефицит бюджета, непомерные расходы на оборону и безопасность, и противозаконное перекачивание средств «дружественными элитами»². Инфляция сильно растет, потому что руководители страны осуществляют давление на Центральный банк с тем, чтобы заставить его осуществлять эмиссию денег. Контрабанда становится распространенной. Как правило, когда крах государства становится окончательным, национальная валюта настолько девальвирована, что фактически заменяется валютой другой страны, которая имеет большее хождение.

Национальное государство рушится, когда теряет свою легитимность – лишается «небесного мандата»³. Номинальные границы такого государства становятся не соответствующими и различные группы в рамках этих номинальных границ добиваются автономии в пределах одной или более

¹ Rotberg R. I. Op. cit. – P. 8.

² Ibid. – P. 8.

³ Изначально «небесный мандат» (天命, Tiānmìng) это одно из центральных понятий традиционной китайской космогонии, используемое как источник легитимации правящей династии. Правящий дом выступал как носитель монополии на связь с Небом, в качестве обладателя «небесного доверия», заслуженного путем накопления добродетели Дэ. Утрата добродетели трактовалась традиционной конфуцианской историографией как основная причина потери власти. Поэтому в классической литературе Китая основатели новой династии непременно предстают носителями добродетели, в то время как падение династии связывается с нравственным разложением правителя, которое приводит к потере мандата. См.: Rotberg R. I. Op. cit. – P. 9.

частей национальной территории или, даже выходя за пределы общепризнанных границ государства. Например, некоторые группы пуштунских националистов в Афганистане добиваются воссоединения в рамках единого государства – Пуштунистана – с пуштунами в приграничных районах Пакистана. Как только способность государства обеспечить свою безопасность или обеспечить ее внутри страны надлежащим способом идет на убыль, и как только у государства остается мало способности, надлежащим образом выполнять свои функции, и оставшиеся способности полностью служат благосостоянию некоторых или привилегированным этническим или другими сообществам, можно ожидать все меньше и меньше лояльности к государству, со стороны фактически лишенных своих гражданских или избирательных прав, граждан.

«Когда руководители государства воспринимают свою должность свое место как возможность работать на свое благосостояние или благосостояние своей родни, а не на государство, их легитимность и легитимность государства резко падает»¹. В итоге государство становится все более и более принадлежащим одной группе или классу, выталкивая остальные за рамки управления государственными делами и распределения политических товаров; социальный контракт, который связывает жителей и государства становится нарушенным; различные группы граждан больше не доверяют государству и, совершенно естественно, все более и более обращают свой взор в сторону различных локальных и групповых лояльностей, которые являются главными источниками помощи и содействия в период отсутствия безопасности и недостатка экономических возможностей для выживания. Понимая это, граждане передают свою преданность клану или лидерам групп, некоторые из которых становятся «варлордами», которые наряду с другими «сильными политическими лидерами местного масштаба» («local strongmen»)² мо-

¹ Ibid. – P. 9.

² Ibid. – P. 9.

гут получить поддержку от внешних так же как от местных (туземных) сторонников. В наиболее «диких», изолированных районах государства террор вместе с преобладающей анархией порождают государственное расстройство и крах. В целом государство становится «неудавшимся», когда он становится просто ненужным собственному населению. В это связи Мон Стюарт Эльфинстон глава первого британского посольства в Кабуле в 1815 г. отметил: «Внутреннее самоуправление племен настолько хорошо отвечает требованиям афганцев, что на жизнь простых людей никак не сказывается полный паралич королевской власти».

И, наконец, последняя стадия государственного краха это «коллапсировавшее государство». «Коллапсировавшее государство» редкая и крайняя форма «неудавшегося государства», например Сомали или Афганистан 1992-1996 гг. Снабжение населения политическими товарами в таких странах, находится в частных руках или происходит *ad hoc*. В «коллапсировавших» государствах существует вакуум власти, а безопасность приравнена к праву сильного. Само государство в рамках общепризнанных границах является фикцией, существует просто как географическая и геополитическая данность, это «черная дыра, в которую упала обанкротившееся форма правления.... Существует “темная энергия”, но силы энтропии сокрушают сияние того, что ранее обеспечивало некоторую видимость порядка и другие, жизненно важные, политические товары для жителей, объединенных лингвистическими или этническими сходствами или границами»¹.

Когда произошел государственный коллапс, субгосударственные акторы принимают его обязанности на себя, заполняют образовавшийся в результате коллапса государства вакуум. «Варлорды» или другие субгосударственные акторы взяв под контроль отдельные регионы и субрегионы в пределах того, что считалось национальным государством, создают собственные аппараты безопасности, санкционирует собственные рынки и предпринимательскую деятельность и да-

¹ Ibid. – P. 9.

же в состоянии устанавливать ограниченные формы международных отношений (например, Сомалиленд, Пунтленд в Сомали или Хазараджат в Афганистане).

Несмотря на дробления «коллапсировавшего государства» на сферы влияния, «вотчины» «ворлордов», массовые беспорядки, аномическое поведение и различные проявления анархических умонастроений продолжают оставаться довольно распространенными. Кроме того, широкое распространение получают торговля оружием и наркотиками и пиратство и рэкет, причем они выступают как фактически легальные виды предпринимательской деятельности и связаны с международными террористическими и экстремистскими сетями. «Варлорды» формируют на подконтрольных территориях собственные механизмы управления и безопасности, санкционируют создание рынков и даже пытаются выйти на международную арену, взаимодействуя с соседними государствами или добиваясь международного признания, например Сомалиленд. Государство просто фактически прекращает свое существование¹.

Итак, государство становится слабым, «неудавшимся» или коллапсировавшим по разным причинам, однако этот процесс всегда сопровождается сокращением поставляемых населению политических товаров, ростом уровня и масштабов насилия. Кроме того, процессы ослабления, фрагментации, коллапсирования государства крайне негативно сказывается не только на данном государстве, но и в целом на регионе к которому оно принадлежит. В общемировом масшта-

¹ См. подробнее: Dempsey G. T. Old Folly in a New Disguise: Nation Building to Combat Terrorism / G. T. Dempsey // Cato Institute Policy Analysis. – No 429. – March. – 2002. – (<http://www.cato.org/pubs/pas/pa429.pdf>); Fukuyama F. State-Building: Governance and World Order in the 21st Century / F. Fukuyama. – NY., 2004. – P. 92; Krauthammer Ch. The Unipolar Moment Revisited – United States World Dominance / Ch. Krauthammer // <http://www.coloradocollege.edu/Dept/PS/Lee/PS314/Krauthammer.htm>; Hearing on «Stabilization and Reconstruction: Building Peace in a Hostile Environment» / Testimony of J. Kunder. Committee on Foreign Relations US Senate. June 16, 2005 // (<http://foreign.senate.gov/testimony/2005/KunderTestimony050616.pdf>); Country Reports on Terrorism 2005. April 2006 // <http://www.state.gov/documents/organization/65462.pdf>; Country Reports on Terrorism 2006. April 2007 // (<http://www.state.gov/documents/organization/83383.pdf>)

бе неудавшиеся государства становятся убежищем для террористов, транснациональной организованной преступности и пиратства и экспортируют политическую нестабильность в соседние государства и регионы и в целом представляют серьезную угрозу международной безопасности, что признается многими исследователями и на государственном уровне.

Ю.В. Салымов

ИНОСТРАННЫЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ВОРОНЕЖСКОГО РЕГИОНА В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Развитие образования и просвещения на Воронежской земле неразрывно связано со строительством военного флота. Потребность Российского государства в отечественных специалистах в области кораблестроения и навигации стимулировала процесс распространения знаний. На наш взгляд, вызывает особый интерес история образования первой морской школы в Воронеже, ставшей центром образования и просвещения. Вызывают научный и практический интерес вопросы, связанные со способами организации учебного процесса и содержанием образования в данных учебных заведениях, а также определение их специфических особенностей.

Следует заметить, что в начале XVIII века, наряду с существующими «разноязычными немецкими школами», появились и «русские школы». В них не только учили читать и писать по-русски, но и учили разному мастеровому ремеслу, готовили отечественных работников.

Именно с «Адмиралтейской русской школой» и связывают начало основания морского образования в России. Эта школа была основана в 1703 году в Воронеже. Но историкам известны упоминания о некой «Азовской морской школе». Например, воронежский историк Н.А. Комолов пишет: «Учеников предписывалось морскому воинскому ходу и карте

учить под Азовом»¹. По мнению Н.А. Комолова, Азовская морская школа стала первым в России военным учебным заведением². Получается так, что, образно говоря, «Азовская военно-морская школа» - это присказка, а сказка начинается с «Адмиралтейской военной морской школы». Но, во всяком случае, об организованном процессе обучения военно-морскому делу, мы можем говорить лишь, начиная с Адмиралтейской школы.

Следует отметить, что идеи об обучении российских морских специалистов на отечественной почве посещали Ф.М. Апраксина, целью которого, первоначально было подготовить группу младших офицеров флота. Первоначально контингент учащихся составлял 90 молодых драгун (крестьян-новобранцев). Но вскоре данные идеи видоизменились и приобрели более общий характер. Речь уже шла не о группе морских офицеров, а о постоянном систематическом образовании. «Адмиралтейская» школа стала государственным учебным заведением, и ее ученики получали жалование.

Первым учителем стал Семен Минин, совмещавший свою должность с работой переpletчика в Воронежском Адмиралтействе. Известно, что в 1710 г. он получал учительское жалование – 12 рублей в год (для сравнения: палач получал 10 рублей в год)³. 2 мая 1703 г. в «Адмиралтейскую» школу были присланы 2 учителя арифметики: Афанасий Побегайлов и Петр Фролов. Вероятно, Федор Матвеевич Апраксин и не подозревал, во что перерастет его затея по подготовке офицеров для флота. Заметим, что для обучения привлекались и иностранные специалисты – поручики К. Отто и Я. Бергман вели практические занятия для групп учеников по 12 человек в каждой. Следует сказать, что изначально всех учеников предполагалось произвести в офицеры, но не все ими

¹ Комолов, Н.А. Калейдоскоп воронежской истории [Текст] / Н.А. Комолов. – Воронеж, 2008. - С. 121.

² Там же. – С. 124.

³ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. – первая половина XIX в. [Текст]. – М., 1973. – С. 206.

становились. Менее способные ученики становились мастерами людьми.

Конечно, большое влияние на развитие просвещения и науки в Воронеже сыграл сам Петр I. Он семнадцать раз за свою жизнь был в Воронеже. Он работал на верфях Воронежа и в солнечную и в дождливую погоду. «Там где он трудился, работа кипела и спорилась. Он шутил, острил, торопил нерадивых и если надо строго спрашивал с отстающих»¹ - так писал о Петре I кандидат исторических наук Аббасов Алик Мамедович.

Благодаря деятельности Петра I топография Воронежа, как города, резко изменилась в XVIII веке. «В 1703 г., в бытность свою в Воронеже Петр I предпринял ряд мер по реорганизации воронежских верфей. Адмиралтейство из Воронежа было перенесено к устью речки Тавровки. В Таврове устроено было 11 корабельных доков, направляющихся по речке, сзади их были построены мастерские и магазины»². Таким образом, и Адмиралтейская школа была переведена из Воронежа в Тавров. Исследователи склоняются к мнению, что перевод школы из Воронежа в Тавров произошел, вероятно, в 1709 г. Связано это, скорее всего, с перенесением туда основной верфи.

Существуют данные о численности контингента, обучаемого в школе. В апреле 1725 г. в Адмиралтейскую школу в Таврове было набрано для обучения чтению и письму 67 детей морских и «адмиралтейских служителей», среди них 12 сирот и 9 учеников, достигших возраста поступления на службу. В 1732 г. в школе обучалось уже 160 детей. Несомненно, такой факт увеличения числа обучаемых, свидетельствует о повышении уровня образования и развитии просвещения в Воронежской губернии.

¹ Аббасов, А.М. По местам деяний Петра [Текст] / А.М. Аббасов. – М., 1996. – С. 13.

² Российская школа: история и современность (к 300-летию основания первой государственной школы в Воронеже) [Текст] // Материалы межрегиональной научно – практической конференции. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2003. – С. 5.

Немаловажный аспект в исследовании развития образования на Воронежской земле представляет собой содержание данного явления. По нашему мнению содержательные компоненты дают яркую характеристику все образовательному процессу. О содержании обучения в воронежской «Адмиралтейской» школе можно судить по посланным туда книгам: русский букварь, латинский букварь, псалтырь, часослов, арифметика и грифельные доски для обучения письму. Вероятно, что в Воронеже мастеровые люди отдавали своих детей охотнее в «русскую школу», чем в другие, поскольку была перспектива.

Одним из значительных аспектов в следовании процесса развития морского образования является вопрос о качестве образования. Следует сказать, что образование было поставлено на достаточно высокий уровень, отвечающий общероссийским условиям. В подтверждении данного тезиса приведем следующее мнение историков. В одном из документов, находящихся в Государственном архиве Воронежской области, на который ссылаются исследователи Ю.В. Пыльнев и С.А. Рогачев, есть следующие сведения: «...присланы с Троицкой с Воронежа из Приказу Адмиралтейских дел математические ученики, которым велено быть для учения бомбардирного дела, 6 человек, а с ними прислано артиллерийских припасов»¹. Интерпретирую данный архивный документ, следует считать, что из Воронежа были присланы специалисты артиллерийского дела, которые должны были обучать бомбардиров.

Следует заметить, что обучение проходило с применением телесных наказаний. Об этом можно судить по следующей цитате в рекомендации букварей XVII – начале XVIII вв.: «Розга ум острит и память возбуждает. Целуйте розгу, бич и жезл лобзайте»². Для того времени это было в порядке вещей,

¹ Пыльнев, Ю.В. Школы и просвещение Воронежского края в XVIII веке [Текст] / Ю.В. Пыльнев, С.А. Рогачев. – Воронеж, 1997. - С. 17.

² Киселев, А.Ф. Воронежская школа в XVIII веке [Текст] / А.Ф. Киселев. - Воронеж, 2000. - С. 21.

институты науки и просвещения давали знание только немногим, и то иногда таким, не самым удачным способом.

Корабельные работы в Таврове продолжались до 1740 г., а мелкое адмиралтейство было официально упразднено осенью 1741 г. Центр русского кораблестроения перемещается в Санкт-Петербург и Тавровская школа закрывается, но это не окончательная дата существования Адмиралтейской школы. Существует мнение историков Л.Г. Бескровного и С.П. Луппова, что данное учебное заведение просуществовало 1775 г. Данный тезис, по видимому, разделяет Н.А. Комолов, делая небольшую оговорку о том, что: «Эту дату, неподтвержденную сносками на источник, проверить пока невозможно, хотя в историческом плане она вполне логична»¹. Данную логику оправдывает успешная кампания русско-турецкой войны (1768-1774 гг.), после которой необходимость кораблестроения на Воронежской земле отпала в связи с исчезновением угрозы.

Таким образом, можно утверждать, что центр зарождения российского кораблестроения находился именно на Воронежской земле. Воронеж, по праву, следует считать «колыбелью русского флота». В тоже время, нельзя не обратить внимание на тот факт, что в связи с развитием судостроения развивалось образование и просвещение в Воронежской губернии. Именно совокупность данных процессов, развивающихся параллельно, свидетельствует об историческом единстве прикладных и фундаментальных знаний, заложивших надежный фундамент для дальнейшего развития различных образовательных систем. В заключение отметим, что зарождение русского военного кораблестроения дало начало и развитию массового образования и просвещения в Воронежском крае.

¹ Комолов, Н.А. Калейдоскоп воронежской истории [Текст] / Н.А. Комолов. – Воронеж, 2008. - С. 129.

А. Борщева

РОССИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ УКРАИНЫ

Проблема украинско-российских отношений является одной из наиболее важных в украинских концепциях государственного развития. Общим для независимой общественной мысли первой половины XX ст. был вывод о том, что присоединение Украины к Московскому царству привело к разрыву ее традиционных связей с Западной Европой, насильственной смене внешнеторговых приоритетов и геополитических ориентаций. Целенаправленная централизация общественной и культурной жизни проводившаяся царским правительством реализовалась в запрете на учебу за границей без специального разрешения на выезд, ограничении украинской торговли только южными портами империи и т.д. «Российская торговая и таможенная политика не останавливалась ни перед чем, чтобы разорвать и разрушить торговые связи Украины с ее исторически сформировавшимися западными рынками, чтобы уничтожить в целом украинскую торговлю и отдать её в руки купечества московского, привязать Украину экономически к северу, к великорусским центрам – Петербургу и Москве¹.

Говоря об особенностях геополитических ориентаций двух народов, С. Рудницкий отмечает, что «природа наделила Московщину совсем другими гидрографическими путями, чем Украину...»². Ю.Липа подчеркивает, что в то время, когда украинцы как нация формировались на берегах рек Южного Причерноморья, русские — в бассейне Волги. В книге «Разделение России» Ю.Липа пишет, что хотя за долгие столетия экспансии русские расселились на значительном про-

¹ Грушевський М. На порозі нової України / М. Грушевський. - Київ, 1991. – С.16.

² Рудницький С. Українська справа зі становища політичної географії / С. Рудницький. – Берлін, 1923. – С. 72.

странстве, многие из этих территорий так и не стали по-настоящему российскими. Здесь речь идет не только о тех краях, где русские не представляют этнического большинства: Украине, Прибалтике, Кавказе, Средней Азии и т. д., а и о Сибири и Дальнем Востоке. «Последние годы истории России наполнены тяжелой борьбой центральной власти с разнородностью людей и края. В этой борьбе самым трагическим было то, что централистская идея оказалась нецелесообразной на просторах России. С каждым разом все более тяжелые удары эта идея наносит непосредственно человеческой жизни»¹. Эти удары забирали и забирают миллионы жизней как у народов, покоренных империей, так и у собственно этнических россиян — сторонников российской имперской идеи. Анализируя географические особенности собственно России, — размещение населения, промышленных центров, коммуникаций, Ю.Липа приходит к выводу, что в условиях демократического политического устройства и свободного развития производства и экономических связей от России начнут отделяться территории вне европейской части. Первой среди них будет Сибирь, которая является «по сути российской Америкой, лежащей возле самой России и связанной железной дорогой с ней и Средней Азией»².

Подобное мнение выразил в работе «Почему мы хотим самостоятельную Украину» С.Рудницкий: «В обновленной демократической России великорусское естество будет безусловно продолжать заграничную политику царской России. Поэтому надо украинцам, если уж не добыть им полной независимости, быть очень внимательными, чтобы снова не попасть в московскую неволю — уже не царскую, а последующую. Нужно если не независимость, то автономность Украины так сильно поставить и так хорошо защитить от всяческих посягательств московских централистов, чтобы Украина

¹ Липа Ю. Розподіл Росії / Ю. Липа. — Нью-Йорк, 1954. — С.13.

² Там же. — С. 88.

имела от своего выгодного географического положения только пользу, а не вред»¹.

В современных концепциях государственного развития украино-российские отношения рассматриваются не столь односторонне. Позиции украинских ученых достаточно детально изложены в коллективной монографии «Украина и Россия на пути к демократии: особенности переходного периода»². Позиции украинских специалистов, изложенные в данной работе можно условно разделить на три основных направления: националистическое; мифическое; рационально-прогрессивное.

Рассмотрим эти направления более подробно. Националистическое направление, т.е. неприятие конструктивного диалога с Россией представлено в монографии профессорами Киевского национального университета В. Головченко и Н. Дорошко. Они не признают иного вектора внешнеполитических отношений Украины, кроме евроатлантического. В частности В. Головченко полагает, что наиболее проигрышно для России то, что она «намертво» закрепила за собой имидж недемократического государства, грубо навязывающего свою политику более слабым странам. Поэтому главная задача для Украины в данный момент – не допустить превращения отношений с Россией из партнерских в союзнические. Стратегическое партнерство в украинско-российских отношениях должно ограничиться двусторонними договоренностями, которые исключали бы перспективу возникновения многосторонних проектов и органов наднационального контроля. В таких условиях, по его мнению, наиболее реалистично выглядит стратегическое партнерство Украины и РФ согласно формуле «Вместе в Европу». При этом, подобное взаимодействие, считает автор, не должно исключать возможности Украины первой присоединиться к Евросоюзу и вступить в НАТО, гарантируя Кремлю, что со стороны Альянса не будет

¹ Рудницький С. Чому ми хочемо самостійної України / С. Рудницький. – Львів, 1994. – С. 81.

² См.: Украина и Россия на пути к демократии: особенности переходного периода. – Киев, 2007. – 208 с.

инициироваться антироссийская агрессия. Успешная интеграция украинского государства в ЕС позволила бы расширить и углубить диалог «Россия - Европейский Союз», что может стать, с точки зрения Головченко, катализатором процессов демократизации российского общества.

Мифическое направление представлено взглядами эксперта проекта «Содействие организации выборов в Украине» Е. Жеребецкого, который связывает все проблемы, возникшие на постсоветском пространстве к заговору КГБ, а впоследствии ФСБ. Украинский политолог также считает, что после 2004г. главным политическим и экономическим соперником Украины в мире является Россия. Он также убежден, что сам факт существования независимого украинского государства рядом с авторитарной Россией – это главная для нее угроза. Ликвидация де-факто независимости Украины, по его мнению, - стратегическая задача РФ. Россия и в будущем, полагает он, будет стремиться установить максимальную зависимость украинской экономики от российской и, как следствие, украинского политического руководства – от Москвы, поскольку она никогда всерьез не воспринимала независимость новых постсоветских стран, считала это временным явлением и готова была на все, чтобы в той или иной форме снова получить их, в том числе и Украину, назад. Ведь ее окончательная потеря означает неминуемый конец Российской империи и в перспективе распад РФ. Украина нужна России не только как государство-лимитроф, транзитная зона, поставщик дешевых продуктов питания, а, прежде всего, как демографический донор для вымирающей империи. В противном случае, с позиции автора,- через 50 лет Россия превратится в провинцию Поднебесной империи. Поэтому, с точки зрения Жеребецкого украинско-российские отношения станут равноправными лишь тогда, когда за спиной Украины будет стоять мощная военно-политическая группировка, наподобие НАТО или ЕС.

Рационально-критическое направление включает в себя представителей украинской интеллигенции, которые крити-

чески оценивают результаты оранжевой революции. Главными представителями этого направления являются А. Колодий и Ю. Мациевский, А. Гарань, которые в свою очередь настаивают на программирующихся партнерских отношениях с Россией. А. Колодий и Ю. Мациевский являются основателями школы транзитологии или демократического перехода. Свою позицию по отношению к оранжевой революции А. Колодий выражает следующим образом: «события, произошедшие в Украине в 2004 г. следует называть демократическим переходом, который произошел при широчайшем сознательном участии народа». В отличие от элиты с 2002 г. Народные массы продолжают демонстрировать готовность жить в условиях правового, демократического государства, умение строить и развивать его институты.

Ю. Мациевский полагает, что на Украине ни революции, ни переворота не было. *События ноября-декабря 2004г. в Украине корректнее назвать широкомасштабными акциями политического протеста, спланированными лидерами оппозиции и поддерживаемыми значительным количеством украинских граждан, в результате чего состоялось падение авторитарного режима Л. Кучмы*¹. Свою позицию он обосновывает тем обстоятельством, что решение об аннулировании результатов второго тура выборов президента Украины принималось не на Майдане, а в Верховном Суде и, несмотря на политический характер данного решения, оно дало возможность выйти из кризисной ситуации без применения силы. Кроме того, достижение политического компромисса во время серии круглых столов» между кандидатами на пост президента и действующим президентом Л. Кучмой является, по его мнению, примером политического урегулирования кризиса, а не принудительного отбирания власти. И, наконец, свидетельством того, что события конца 2004г. в Украине некорректно назвать революцией, продолжает автор, является

¹ Мациевский Ю. Политический режим в Украине после «помаранчевой» революции / Ю. Мациевский Политический режим в Украине после «помаранчевой» революции // Украина и Россия на пути к демократии: особенности переходного периода / под общей ред. О. И. Соскина. – Киев, 2007. – С. 92.

то, что новой, пришедшей к власти команде не удалось поменять политический режим. Исходя из этого, Мациевский рассматривает происшедшее как ненасильственную смену правящей элиты при участии населения в массовых акциях политического протеста в период президентской избирательной кампании. Поэтому события ноября-декабря 2004г. он объясняет сквозь призму транзита или перехода.

Научный директор Школы политической аналитики Национального университета «Киево-Могилянская академия» Алексей Гарань придерживается мнения, что в 2004 г. российско-украинским отношениям был нанесен ущерб недавними заявлениями российских политиков и экспертов, которые ретранслировались на Украину. Фактически, говорит он, россияне сами сформировали новое поколение украинских националистов.¹

Анатолий Карась в своей статье «Дискурсивные барьеры на пути к демократии и согласию в украино-российском диалоге» рассматривает проблему украино-российских отношений – как продолжительное накопление недоверия, закрепленного на уровне дискурсивно-этических практик. Украино-российский диалог, по его мнению, происходит в двух вариантах: как искреннее стремление к взаимопониманию и как интенция обмануть действительность с двух сторон.²

Современные события ярко демонстрируют, что в условиях глобализирующегося мира между двумя родственными государствами Россией и Украиной не должно быть искусственно созданных экономических и политических барьеров. Наступает время реализации сценариев, основанных на принципе конструктивного диалога и программирующего партнерства наших государств.

¹ Гарань А. Демократизация в Украине и российский фактор / А. Гарань // Демократизация в Украине и российский фактор // Украина и Россия на пути к демократии: особенности переходного периода / под общей ред. О. И. Соскина. – Киев, 2007. – С. 48.

² Карась А. Дискурсивные барьеры на пути к демократии и согласию в украино-российском диалоге / А. Карась // Дискурсивные барьеры на пути к демократии и согласию в украино-российском диалоге // Украина и Россия на пути к демократии: особенности переходного периода / под общей ред. О. И. Соскина. – Киев, 2007. – С. 143.

А.А. Шаповалов

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕАКЦИЯ НА ПЕРВЫЕ
РЕЗУЛЬТАТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
КУРСА Б. ОБАМЫ

20 января 2009 г. 44 президентом США стал Б. Обама. Стоит напомнить, что победа Обамы вызвала эйфорию в ряде стран мира – явление, получившее название «обамамания», симптомы которой начали проявляться ещё в ходе предвыборной кампании. Особенно сильно ей были подвержены некоторые страны Африки и Ближнего Востока. Придя к власти в Белом доме, Обама с ходу заявил, что основными принципами видения внешней политики его администрации станут мултилатерализм и партнерство. У руля Госдепартамента стала Х. Клинтон, соперница Обамы по внутрипартийным выборам. «Судьба нашей страны неразрывно связана с судьбами мира», – заявил Б. Обама в начале своего президентского срока. – «Успех нам может принести лишь новая стратегия, в которой наилучшим образом будут взаимодействовать наши военные, дипломаты и экономисты»¹. Аналитики в Вашингтоне заявляли, что у США сейчас такое количество внешнеполитических проблем, что справиться с ними в одностороннем порядке просто невозможно. Исходя из указанных предпосылок и сформировалась линия поведения американского государства в международных отношениях в начале 2009 г. Пришло время подвести некоторые итоги внешнеполитического курса администрации Обамы сквозь призму мирового общественного мнения.

Сейчас можно с уверенностью говорить о том, что жителям Европы – основного партнера Вашингтона – понравилась внешняя политика американского президента Барака Обамы.

¹ С анализом предвыборной гонки в США 2008 г., высказываниями основных действующих лиц, итогами и попытками прогноза развития событий можно ознакомиться на сайте <http://www.2000.net.ua/a/60294>

Как выясняется из результатов проведенных опросов общественного мнения, положительно внешнюю политику американской администрации оценивают 77% жителей Западной Европы¹. Это значительный прогресс, если вспомнить об отношении американцев к политике Джорджа Буша. Тогда действия главы Белого дома положительно оценивали лишь 19% европейцев, а каждый приезд президента США в Старый Свет сопровождался многотысячными демонстрациями протеста². По мнению многих аналитиков, такая беспрецедентная популярность Б. Обамы в Европе создает прекрасные возможности для расширения сотрудничества между США и ЕС как в экономике, так и в сфере безопасности. Впрочем, европейцы не во всем согласны с американским президентом. Например, далеко не всем нравится война в Афганистане. 63% опрошенных респондентов заявили, что сомневаются в стабилизации обстановки в этой стране, а 69% уверены, что НАТО должно сократить свой контингент на Среднем Востоке³. Что же касается европейского руководства, то Обаму они готовы превозносить за одну фразу об отказе американского правительства от односторонних шагов, присущих предыдущей администрации. Вашингтон указывал на особое значение для него трансатлантических отношений на многосторонней основе, что также импонировало лидерам европейских стран.

В России поначалу Обаму восприняли настороженно, о чем свидетельствует запоздавшее и холодное поздравление российского президента вновь избранному американскому. Кто-то сравнивал высказывания Обамы и атмосферу его появления на политической арене с ситуацией середины 80-х гг. XX века в СССР и приходом к власти М. Горбачева. Д. Медведев говорил о том, что «к тому времени, при всем уважении к Джорджу Бушу-младшему, отношения между Амери-

¹ Данные социологического опроса, проведенного в сентябре 2009 г. можно уточнить на сайте: <http://top.rbc.ru/politics/10/09/2009/328319.shtml>

² Там же.

³ Нир Б. Барак Обама для начинающих. Всё о новом президенте США. Barack Obama For Beginners: An Essential Guide / Б. Нир. – М., 2009. – С. 76.

кой и Россией деградировали до предела, почти до уровня «холодной войны»¹. Между тем, официальный рабочий визит Б. Обамы 6-8 июля 2009 г. в Москву изменил очень многое. Были подписаны соглашения по важнейшим вопросам американо-российского взаимодействия, проведены интенсивные переговоры на различных уровнях, но самое главное впервые встретились один на один Обама и Медведев. А после того, как недавно правительство США отказалось от планов строительства элементов системы ПРО в Восточной Европе, сторонниками Обамы стали даже самые отъявленные российские антиамериканисты.

В остальных странах реакция на политику Обамы также остается восторженной. Даже сам команданте Ф. Кастро похвалил новую администрацию президента США за попытки решения арабо-израильского вопроса. Напомним, что с 27 января по 1 февраля 2009 г. специальный представитель президента США Барака Обамы Джордж Митчелл совершил визит на Средний Восток. Это была первая внешнеполитическая поездка представителя правительства Барака Обамы на Средний Восток, что предоставило важную возможность для демонстрации «новой политики Б. Обамы по Среднему Востоку». Глава Венесуэлы У. Чавес, выступая на трибуне во время заседания Генеральной Ассамблеи ООН, заявил, что «в зале больше не пахнет серой, мировой дьявол отошел от дел. Надо отдать свое сердце надежде»², с удовлетворением заметив перемены во внешнеполитическом курсе США с приходом Обамы на смену Дж. Бушу-младшему. Более того, Вашингтон заявил о возможности для Ирана осуществлять свою ядерную программу, но исключительно в мирных целях. Ахмадинежад и другие руководители Ирана к своему изумлению не ожидали подобной риторики из-за океана.

В момент всеобщего рукоплескания Обаме, на мой взгляд, очень важно не забывать важнейший посыл внешне-

¹ О встрече Обамы и Медведева в Москве в июле 2009 г. // http://mypoliticstyle.blogspot.com/2009/09/blog-post_111.html

² О выступлении Чавеса на Генассамблее ООН // [tp://top.rbc.ru/politics/25/09/2009/332021.shtml](http://top.rbc.ru/politics/25/09/2009/332021.shtml)

политической деятельности Вашингтона. Основу команды 44 президента США составляют «ветераны», занимавшие важнейшие должности и посты еще в период «холодной войны» и в 90-е гг. XX века. Это объясняется необходимостью компенсировать недостаток опыта молодого президента во внутренних и внешних делах. Но по той же самой причине не стоит ждать и резкого отката Вашингтона от ряда позиций прежних администраций; политика Обамы может замкнуться на консерватизме и сохранении существующего статус-кво, прибегая к услугам своих европейских союзников для стабилизации ситуации, что наглядно показывают участвовавшие в совещаниях G-20 в условиях мирового финансового кризиса. И сложно предположить сохранится ли миролюбивая многосторонне ориентированная риторика Вашингтона после преодоления последствий кризиса.

Кроме того, Обама близок к тому, чтобы не выполнить своих предвыборных обещаний и не прекратить войну в Ираке и Афганистане. Сокращения численности военных контингентов, участвовавшие с приходом Обамы, практиковались и администрацией Дж. Буша-младшего. К тому же все существующие на данный момент планы по окончательному выводу войск с территории Ирака и Афганистана так и остаются на бумаге, никаких активных практических шагов в этом направлении пока администрацией Обамы не предпринималось. Более того, 17 февраля 2009 г. администрация Обамы приняла решения о направлении дополнительно 17 тыс. военнослужащих в Афганистан в обход всех обещаний.

Важно также, что по мере приближения дня передачи власти от Буша к Обаме критика республиканца со стороны демократа ослабевала и переходила в одобрение. Это также указывает на тот факт, что кандидаты в президенты США от различных партий сохраняют преемственности целей международной политики, как бы ни были они завуалированы романтическими высказываниями о равенстве и братстве в мировом сообществе.

Суммируя вышеизложенное, стоит отметить, что чарующая и обнадеживающая риторика администрации Б. Обамы возымела действие, многие ярые противники американского господства признаются в симпатиях 44 президенту США. Глупо отрицать, что с приходом Обамы Соединенные Штаты начали вновь становиться страной, к которой больше двух веков обращали и обращают свои взоры те, для кого мечта о свободе и справедливости — не пустой звук и не демагогическая формула, а дорога. Дорога, в которой приобретается опыт и мудрость, необходимые для того, чтобы понять, куда она ведет и с какой целью по ней идти. Однако линия международной политики Соединенных Штатов с момента обретения независимости от Британии всегда преследует цель установления и поддержания американского превосходства и доминирования на планете. Этот вектор превалирует в настроениях правящей элиты в Вашингтоне, какая бы либеральная риторика ни звучала из уст президента США.

Научное издание

Проблемы международных отношений,
регионоведения и истории

Сборник статей молодых ученых

Издание публикуется в авторской редакции

Подписано в печать __. __. 2009 г.

Тираж: 100

394000, г. Воронеж,
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02
